

Владимир Знаков

de cœur feu Robinsonne à travers des romans,
- lorsque, dans la clarté d'un pâle réverbère,
Passe une demoiselle aux petits ans charmants
Sous l'ombre du feu-roi effrayant de son père,
Et, comme elle vous traverse, miraculeusement naïf,
Tout en faisant trotter ses petites bottines,
Elle se tourne, alerte et d'un mouvement infini...
- Sur vos lèvres alors succulent les caudexes...
Vos très amoureux - Les jadis au mois d'août.
Vos très amoureux - Vos seules la font rire
Tous vos amis son vent, vous êtes mauvais goût.

П р а в л е н и ю
з р е н

Владимир Георгиевич Ушаков

Праведный грех

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27056532

ISBN 9785448587078

Аннотация

Первая любовь, целина, Куба, Перу... 60-е, 90-е годы XX века, наше время. В этой книге читатель найдёт искреннюю исповедь человека, прошедшего большой и интересный жизненный путь. Но где бы автор ни был, в далёкой ли стране, в Москве или в российской глубинке, он всегда оставался человеком, не чуждым никаких эмоций. Эта книга не просто о том далёком уже времени, о поколении, рождённом в СССР. Эта книга обо всех нас, кто сейчас живёт, работает, переживает, любит.

Содержание

Экзамен	5
Английский	10
За тридевятью морями	16
В мавзолей. Ленину!	53
А мы с Можайки!	58
О Сергее Гончаренко	62
Больному зубу – здоровый дух!	74
Всякое лыко – в строку	78
Побег из фирмы	80
Операция	97
Конец ознакомительного фрагмента.	103

Праведный грех

**Владимир
Георгиевич Ушаков**

Дизайнер обложки Л. Варламова

© Владимир Георгиевич Ушаков, 2017

© Л. Варламова, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-8707-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Экзамен

Из троллейбуса выходит элегантный молодой человек лет тридцати, среднего роста. На нём лёгкий шерстяной костюм светло-серого цвета. Под пиджаком – бежевая рубашка. На ногах – плетёные коричневые босоножки. В руке – модный коричневого цвета кейс с цифровым замком.

Он идёт по дорожке, обсаженной кустами шиповника. Входит в здание Академии внешней торговли СССР, поднимается на второй этаж, где на перемене толкуются такие же, как он, молодые пижонистые люди из разных внешнеторговых объединений Москвы.

– Андрей! – окликает его приятель Владик.

Он придерживает Андрея сзади за рукав пиджака:

– Ты куда направляешься?

– Привет! Как куда? В деканат. Узнать, где будет экзамен.

Ты знаешь?

– В 32-й аудитории. Нам, говорят, не повезло.

– В каком смысле?

– Принимать у нас будет профессор. Доктор тех ещё наук.

Строгая, говорят, аж жуть! Режет направо и налево, невзирая на личности. У неё, рассказывают, присказка такая есть, что на пятёрку знает только Бог, она знает на четвёрку, а остальные – сам понимаешь, – грустно вещает Владик. – Ты как, готов?

– Я всегда ко всему готов – как пионер, – поднимает ладонь к виску Андрей. – А как её хоть зовут?

– Кого?

– Экзаменаторшу.

– Татьяна Алексеевна.

Коллеги входят в класс, рассаживаются. Один стол стоит подальше, около доски. Со звоном, известившим об окончании перемены, в аудиторию входит высокая, стройная экзаменаторша с сумкой в руке и с папкой-скоросшивателем под мышкой. Все встают, приветствуя её. Женщина, поморщившись, оглядывает учащихся, ставит сумку, отделанную крокодильей кожей, на стол, открывает папку, достаёт экзаменационные билеты и раскладывает их веером на столе. Садится и произносит как бы в задумчивости:

– Добрый день. Ну что ж, пожалуйста-с, товарищи бизнесмены. Берите билеты.

Мужчины, столпившись вокруг стола, по очереди берут билеты и, читая, что им досталось, рассаживаются по одному. Экзаменаторша досадливо передёрнула губой, мол, как это её сюда занесло, достала из сумки детектив и углубилась в чтение. Прошло полчаса. Татьяна Алексеевна победоносно обозрела класс.

– Кто уже готов? За смелость так и быть набавлю полбалла первому, – произносит профессор, посмотрев на свои золотые часики на золотом витиеватом браслете.

В аудитории тишина. У кого-то пискнул телефон.

– Телефоны, пейджеры – всё отключить, – строго произнесла профессорша.

– Я готов! – выстреливает вверх правую руку Андрей.

– Садитесь, – экзаменаторша показала Андрею на стул рядом с ней, – все личные вещи оставьте у себя на столе.

Андрей садится за стол напротив жгучей шатенки бальзаковского возраста в дорогом шерстяном платье, плотно облегавшем её знойное тело. С закинутой ногой на ногу она смотрелась эффектно.

– Итак, слушаю вас внимательно, молодой человек, – произносит певуче дама на глубоком выдохе без всякого интереса к экзамену и к Андрею лично.

– Многоуважаемая Татьяна Алексеевна, – чувственно обращается к ней Андрей вполголоса, чтобы другие не слышали. – Осмелюсь заметить, мало того что вы такая милая и привлекательная, но у вас к тому же тонкий, замечательный вкус. Я вам сейчас это докажу.

Экзаменаторша от неожиданности вздрагивает, явно впадает в ступор и не может с ходу решить, как ей поступить: сразу сделать вид, что рассердилась, или же подождать.

– Вот, смотрите, – уже тараторит без остановки Андрей, не переводя дыхания, – на вашей правой руке, рядом с обручальным кольцом красного золота 96-й пробы, золотое колечко, пожалуй, середины XVII века. С чистейшим бриллиантом идеальной огранки. Карата два с половиной будет. Нет, скорее всего, три.

– Угадали.

– В качестве выражения массы драгоценных камней в старину было взято семя церагонии весом две десятых грамма, с помощью которого люди проверяли весы. Семечки церагонии настолько малы, что даже самая современная техника не способна измерить разницу в весе двух семечек. И называли эту меру измерения каратом. Ну, это я так, к слову. А на среднем пальчике вашей левой, Татьяна Алексеевна, руки с очаровательным запястьем кольцо с опалом. Это опал-арлекин. Или восточный опал. Прозван так за его опалесценцию на огненном фоне. Дайте мне, пожалуйста, вашу ладань.

Экзаменаторша растерянно, как под гипнозом, протягивает свою руку, и Андрей нежно кладет её ладонь на свою.

– А на этом пальчике – колечко с красноватым сердоликом. «Сердолик» – русское слово, означает «радующий сердце». Все камушки, которые вы с таким большим вкусом подобрали, говорят о том, что ваш знак зодиака – Весы, а ваша планета-покровительница – Луна, так как вам нравятся камни Луны. А на вашей лебединой шейке – ожерелье из чёрного жемчуга. Очень редкое и дорогое. Жемчуг – с Мраморного моря.

Андрей выжидающе молчит и влюблённым взглядом впиивается в расширенные, трепещущие и часто мигающие карие глаза доктора наук.

Татьяна Алексеевна с заметным румянцем на щеках, сму-

щаясь неожиданно для себя самой, повела, поёживаясь по-кошачьи, плечами:

– Пятёрка! – громко, чтобы было слышно всем, произносит профессор. – Глубоко, однако, вы владеете предметом. Где ваша зачётка? Какой там у вас номер билета?

Андрей протягивает экзаменаторше билет:

– Вот, пожалуйста, седьмой, многоуважаемая Татьяна Алексеевна.

– А какой у вас вопрос?

– Кредитные и расчётные отношения.

Английский

Звонок в прихожей голосом райской птички известил Сергея о том, что к нему пришла его однокурсница Катя, чтобы помочь подготовиться к экзамену по английскому языку.

Сергей выше среднего роста, такой мускулистый, что даже из-под рубашки выступали его бицепсы, трицепсы, квадрицепсы, грудные и прочие мышцы. В предвкушении встречи с одной из красавиц курса бросился к двери.

И действительно, на пороге стояла Катя. Её лёгкое платье, плотно обтягивающее знойную фигуру, в лучах солнца слегка просвечивало, практически оголяя ее стройные ноги. Но Катя об этом не догадывалась. Или только делала вид? Разве поймешь этих женщин? А Сергей, любуясь фигурой, не спешил впускать её в квартиру, чтобы продлить мгновение созерцания прекрасного.

– Во-первых, где твоё здравствуй? – вывела его из ступора Катя. – И долго мы будем тут стоять на сквозняке?

– Здравствуй, Катюша. Проходи. Заждался уже, – отошёл от двери Сергей, пропуская девушку в квартиру.

Катя мельком глянула в настенное овальное зеркало, поправила причёску:

– Для кого – Катюша, а для кого – Екатерина.

– Проходи, Катерина, садись сюда, на диванчик. Он мяг-

кий. Вино, вот, фрукты ... – Сергей кивком указал на журнальный столик, на котором стояли бутылка вина и ваза с виноградом, мандаринами, яблоками, гранатами, апельсинами, бананами. – Всё мытое, кстати. А можно тебя Кейт называть? Хотя бы во время занятий.

– Мы не для этого здесь собрались, Серёжа, – назидательно сказала Катя, – есть вещи интереснее и важнее, чем выпивка. Ты со мной согласен?

– Конечно, – кивнул, сглотнув слюну, Сергей.

– Построим наши занятия так. Сначала я читаю текст, а потом ты. Я поправляю твои ошибки и произношение. Согласен? А звать меня Кейт можно.

– Ещё как согласен, Кейтюша, – потирая вспотевшие ладони, юноша сел на диван поближе к Кате, да так близко, что она слегка отодвинулась, взглянув на него строго.

От девушки веяло какой-то неземной свежестью, и чувствовался лёгкий запах каких-то очень редких дурманящих духов.

– Итак, начинаем.

Катя открыла учебник и стала читать по-английски.

А Сергей не слушал. Он не мог оторвать взгляда от локонов её блестящих рыжеватых волос и такой соблазнительной розовой мочки уха.

– Ты меня слушаешь или нет? – строго спросила, прервавшись, Катя. – Для кого я тут стараюсь?

– Для меня, для меня стараешься, – заёрзал на диване,

Сергей. – Я весь внимание.

– Следи по моим губам за произношением.

Сергей с радостью впился глазами в сочные яркие губы Кати. Он так засмотрелся на них, что случайно коснулся руки девушки. Оба вздрогнули и, сделавшись пунцовыми, посмотрели внимательно друг на друга. Внешне Катя была спокойна, только раздувающиеся время от времени ее мездри выдавали внутреннее состояние девушки.

– Извини, я нечаянно.

– За нечаянно бьют отчаянно, – улыбнулась Катя. – Ладно, прощаю. Теперь ты читай.

Сергей взял учебник из руки девушки и заметил, что платье Кати образовало ложбинку между её ногами. Такую очаровательную ложбинку! Он смотрел то на этот «треугольник», то в учебник, поэтому часто ошибался и получал замечания.

– Внимательнее! Не туда смотришь – в учебник смотри. А что ты такой грязнуля? – Катя сняла двумя пальчиками три светлых волоска с его тонких брюк.

У Сергея похолодело на сердце.

– Блондинки к тебе липнут, да?

У Сергея пересохло во рту, он закашлялся:

– И вовсе не блондинки, и вовсе не липнут. Это же твои волосы.

– Не выдумывай! Мои все на месте. Они у меня не выпадают. Видишь? – Катя откинула голову назад, продемон-

стрировав Сергею всю копну своих чудных волос.

– Вижу, – не удержался и глубоко вздохнул Сергей.

Вдруг порыв ветра открыл с треском форточку. Штора и занавески взвились и чуть не снесли со стола на пол и бутылку, и все фрукты.

Испугавшись, Катя подалась к Сергею, обдав его теплом своего разгорячённого тела, а он, пользуясь случаем, схватил девушку за плечи. От этого высокая грудь девушки поднялась, а лифчик под платьем жалобно заскрипел. Казалось, ещё секунда и платье девушки разойдётся по швам.

– Не бойся, – прошептал заботливо Сергей.

– А я и не боюсь, – бодро сказала Катя. – Чего мне бояться? Освободи-ка девушку.

– А почему тогда у тебя тело гусиной кожей покрылось? Пупырышки вот.

– Это от холода. Давай продолжим, а то мы часто отвлекаемся.

– Не так уж и часто. Могли бы и почаще.

Катя погрозила Сергею пальчиком:

– Смотри, как я произношу слова. Смотри на мои губы.

– Всё время смотрю.

Сергей снова впился взглядом в губы красавицы. Его как магнитом тянуло к ним всё больше и больше. К таким соблазнительным губам, сочным и аппетитным...

Катерина и Сергей посмотрели друг другу в глаза. Не мигая. Их руки встретились. Его рука легла на коленку девуш-

ки. Она зарделась и нервно слегка раздвинула ноги. Сергей прильнул к обнажённой руке Кати и стал целовать её плечо.

Катерина вздрогнула, метнула быстрый взгляд на Сергея:

– Раз так, то занятия окончены. Не облизывайся!

– Да я вовсе и не...

– Всё! Занятия окончены. До завтра!

– В это же время!

– Повторяй пройденное. И осваивай что-то новое.

– Повторю. Такое не забывается. И освою. Слово даю.

Катя встала. Но вместо того, чтобы выйти из-за стола и обойти Сергея, перебралась через его колени, опираясь рукой на плечо парня.

– Всё слова, слова...

– И это всё, Кейт? – спросил Сергей разочарованно.

Катя пошла к двери:

– А что ещё? На сегодня вполне достаточно. Ты уже прилично шпыхаешь по-аглички. Во все не безнадежный. Вот и имя мое по-английски знаешь. Чао!

– До скорого! – Сергей взялся рукой за пылающую щеку.

Катя ещё раз взглянула на себя в зеркало, взбила слегка волосы, обнажив подмышки.

Сергей открыл дверь и вновь увидел в солнечном свете сквозь платье ноги репетиторши:

– Катюша! Кейт! А как тебе мой английский?

– Твой английский гораздо лучше твоего русского, бедноват и слабоват твой русский, – хохотнула Екатерина, дразня

его белизной своих зубов.

– Правда? – Сергей грубовато схватил крепкой рукой спортсмена тонкое запястье Кати и притянул её к себе, но она ловко вывернулась и ускользнула в проём двери. – А я?

– А ты... Я ещё не поняла, who is вы, мистер Серёжа.

Замок входной двери мягко щёлкнул задвижкой. До следующего урока оставалось 22 часа 10 минут.

«Какой же английский всё-таки хороший и жизненно полезный язык», – подумал Сергей, приходя в себя и успокаиваясь.

За тридевятью морями

Моего отца Министерство рыбного хозяйства СССР направило на работу в Республику Куба. Переводчиком. На два года. С семьёй. А это значит, со мной и мамой. Мама Мирослава, если коротко – Мира, как звал её папа, была молодой и очень красивой. Впрочем, папа тоже был не хуже. Папа ехал на Кубу работать, а мама, как сказал мой дедушка, ехала «работать его женой». Меня же направляли на Кубу, как пошутил работник в Управлении загранкадрами министерства, не просто жить, а выполнять ответственное задание: хорошо учиться в школе при советском посольстве. Как с ребёнком разговаривали. Это они все думают, что я маленький, а мне уже, слава богу, за девять лет перевалило. Ну пусть себе тешатся...

Знакомый лётчик Николай Иванович – первый пилот, родственник бабушкиной подружки, провёл меня ночью мимо спящих в первом классе стюардесс в кабину к лётчикам. Там тоже все спали. Или слушали музыку. И второй пилот, и штурман, и ещё какой-то мужчина в лётной форме. Они сидели в креслах с закрытыми глазами. И все – в наушниках. И на головах, и на ушах.

Штурвал в виде руля полугоночного велосипеда качался сам по себе. А справа от него, перед вторым пилотом, качался и поворачивался ещё один штурвал, точно такой же. Лёт-

чик на него не смотрел. Он тоже сидел с закрытыми глазами.

Николай Иванович сказал, что самолёт летит на автопилоте. Потом посадил меня на своё место, дал потрогать штурвал и надел мне на голову большие чёрные наушники. В наушниках – шум, треск и английская речь, музыки не было. Он предложил мне порулить, но я покраснел и вежливо отказался, сославшись на недостаток опыта. Пилот отнёсся к моему объяснению с пониманием.

Навстречу самолёту плыли звёзды, а потом как бы обтекали его со всех сторон. В кабине была уйма всяких лампочек, кнопок и тумблеров. Прямо пропасть сколько там было приборов и прочей техники! Мы летели навстречу рассвету, будто догоняя его. Он уже был виден. Там, где-то впереди.

Когда я возвращался на своё место в салон эконом класса, одна стюардесса проснулась и посмотрела на меня испуганно. «Наверное, решила, что я злоумышленник или разбойник какой», – подумал я, так как стюардесса быстро убрала свои длинные затянутые в капрон ноги под байковое одеяло. Видимо, опасаясь, что их утащат.

Мама спала, посапывая, а отец листал учебник. «Доучивает испанский», – решил я, усевшись в кресло.

– Понравилась экскурсия? – спросил отец, не отрываясь от текста.

– Очень! А там, в кабине, пол не провалится? Он такой тонкий, что под ним даже звёзды видно. По нему четыре человека ходят. И ещё стюардессы. Страшно. И звёзды тебе

навстречу прямо летят, а потом разбегаются в разные стороны. Интересно!

Отец показал на свои толстые тяжёлые японские ручные часы Seiko со светящимся циферблатом, купленные им в Камеруне во время его предыдущей командировки в Африку, которыми он очень гордился:

– Видишь, сколько времени мы летим только над одним Атлантическим океаном? Можно сказать, что мы летим с тобой за тридевять морей.

Я легко с этим утверждением согласился и откинулся на кресло. Стал замерзать. Достал сверху одеяло и уютно закутался в него, как сделали уже почти все пассажиры.

Проснулся я от шума. Самолёт задрожал, захрустел, выпустил с треском шасси и стал плавно снижаться. Над маленькими островками, разноцветными отмелями, рифами, высокими и маленькими лохматыми, как пауки, пальмами. Потом мягко приземлился и покатился, слегка подпрыгивая. Затем заурчал, вздыбился, ещё немного прокатился и остановился как вкопанный.

При выходе из самолёта нам в лицо пыхнуло липким жаром. А внизу у трапа нас встретили весёлые кубинские пограничники. Один из них мне подмигнул.

Не буду описывать процесс прохождения таможни и паспортного контроля. Толкотня, духота, шум, чемоданы и сумки. Очереди не по мне. Не для меня. Ни в Москве, ни за границей. Это однозначно.

Но зато потом! Когда мы наконец разместились в микроавтобусе – рафике и поехали, это, надо сказать, было зрелище! Это было здорово! Когда тебя везут – это красота! Водитель наш, мой тёзка, Володя Шмырёв, улыбочивый белобрысый хохмач, красочно расписывал, как папе будет хорошо работаться в представительстве рыбного хозяйства, как мама будет отовариваться в магазине для дипломатов. А пока мы, мол, едем в восточную Гавану, что находится за замком Эль Морро и подземным туннелем, который проходит под каналом.

Мы видели пассажирский лайнер во входном канале в торговый и рыбный порты. Корабли на рейде, старинную крепость на скале и Старую Гавану. Вернее, её часть, выходящую на канал. Потом был туннель под землёй. Большой, длинный, с поворотами. И светлый, как наше метро. Всё впечатляло. И стройные красивые белые мулатки, и креолки – девушки-полицейские в зелёной форме, и олеандры. Девушек-гаишниц кубинские водители называли не любя, как и повсюду в мире, *cotorritas* – попугайчиками. За их зелёную униформу. Потому что кубинцы этот цвет не любят. Он преследует их круглый год. И летом, и зимой, и весной, и осенью.

Мама часто ахала. Папа комментировал, где мы проезжали. Кто и когда построил туннель. Кто и зачем построил крепость. Что в ней было раньше и что там теперь. Папа всё знал про эти места.

Я стал всё фотографировать своим «Зенитом». Но отец меня вовремя остановил:

– Всё равно на скорости не получится хорошо, – сказал отец, – только плёнку испортишь. Придем сюда гулять, вот тогда и сфотографируешь. Ты будешь снимать слайды, а я – фильм своей кинокамерой.

Есть у папы такая камера – «Спорт». Бледно-кремового цвета и с пупырышками. В неё вставляется большая батарейка. Я успокоился и даже перестал вертеться в разные стороны и подпрыгивать на сиденье. Тем более что мы уже подъезжали к большому бетонному 16-этажному дому с длинными бойницами на серой стене.

– От американцев отстреливаться? – спросил я, указывая на бойницы.

Отец объяснил, что это не бойницы, а такие жалюзи в стене, чтобы вентиляция была, от солнца – тень, от ветра – защита. Рабочий в сомбреро и потухшей сигарой во рту подравнивал длинным ножом, мачете, как сказал отец, траву рядом с домом и стриг её огромными ножницами, которые лежали на траве рядом с ним. И хотя на Кубе была зима, но трава, пальмы, акации и разные растения были зелёными.

Кубинцы при входе в дом заулыбались нам и что-то сказали приятное отцу, а он им что-то ответил. Тоже приятное. Шмырёв помог поднять на лифте на 6-й этаж наши вещи и донести их до квартиры.

Через бойницы было видно море. Далеко-далеко. И ко-

рабли. Вдалеке на рейде. В коридоре подвывал ветерок. Декабрь – зимнее время года на Кубе. И ветерок здесь бывает ого какой. Тем более у моря. Через год, в этом же месяце, мы уже замерзали при 15 градусах тепла ночью, когда почти акклиматизировались. Но всё равно купались...

В коридоре у некоторых квартир стояли литровые бутылки с молоком – высокие и продолговатые.

– Это молоко для русских и кубинских детей дошкольного возраста. Каждый день. Бесплатно, – рассказывал на ходу Шмырёв.

Когда мы вошли в нашу квартиру, он показал, где титан для воды, рассказал, как он работает. Большая бутылка в штативе – это питьевая вода. Каждый день приезжает водовозка и меняет пустые бутылки на полные. Поэтому пустую бутылку надо выставлять за дверь.

Отец подарил Шмырёву буханку чёрного хлеба, и он, довольный, умчался по своим делам.

Я стал придирчиво осматривать новое жилище. В принципе мебель ничем особенно от нашей не отличалась. Те же шкафы, стол, стулья. Но в шкафу я заметил горящую лампочку.

– Это от сырости, чтобы вещи не покрывались плесенью, – сказал всезнающий отец.

За его спиной была служба военным переводчиком в Африке, в Республике Экваториальная Гвинея, которая находится на самом Экваторе. Бывшая колония Испании. У ме-

ня даже марки тех времён есть: и колониальные, и уже когда стала республикой.

Но кровать – это вещь! Кровать в спальне была широченная! У нас таких не выпускали. И с непривычными узкими и длинными пухлыми подушками.

– А где-же накомарничек? – решил я ехидным голосом озадачить родителей.

– Видишь море? – сказала мама. – Это бриз. К тому же мы на 12-м этаже. Или комары здесь не водятся, или сюда не долетают. Силёнок не хватает. Понятно?

– Логично. А телевизор где? – не унимался я.

– Телевизоров всем не хватает. Они в дефиците. Вот кто-то уедет, тогда телевизор ближайшему очереднику достанется. Всё равно телевизор Москву здесь не ловит. Все передачи на испанском языке. Так что учи поскорее испанский. Знаешь, как быстрее выучить?

– Знаю, – ответил я, вспомнив, рассказанный кем-то из ребят анекдот «Для этого лучше всего спать с переводчицей». Но это уже была шутка не для взрослых.

Как бы прочитав мои мысли, отец посоветовал:

– Надо больше общаться с кубинцами.

– Пообщаемся, – пообещал я.

Удовлетворившись новым жильём, родители принялись распаковывать чемоданы, а я пошёл на балкон – посмотреть оставленные там бывшим жильцом морские ракушки. Мама сказала папе, что хорошо было бы позвонить в Москву и со-

общить, что мы долетели благополучно. Отец объяснил маме, что телефонные аппараты, которые, как он думает, будут работать через спутник, изобретут лет через 15, а сейчас, мол, садись и пиши письмо домой – его кто-нибудь забросит в посольство. Кто полетит в Союз обратным рейсом через три дня. Наши лётчики успеют в первый день отметить счастливый перелёт, на второй день – отоспаться, а на третий – нагуляться по Гаване.

Я тоже предложил родителям смотаться в город на прогулку, но получил категорический отказ – им сейчас не до прогулок. Отец посоветовал вести дневник нашего пребывания на Кубе и записывать всё интересное, что происходит каждый день.

– Я что, девчонка? – заартачился я.

– Вот увидишь, это тебе пригодится в будущем. Ты попробуй, может, тебе понравится писать и из тебя писатель когда-нибудь выйдет, – сказал отец и дал мне толстую тетрадь.

Я обещал попробовать. И уже вечером, пересиливая себя, сделал в ней первые каракули: «Мои воспоминания о нашем прилёте на Кубу». После дело с записями пошло легче. А потом меня это дело даже увлекло.

На новом месте мне долго не спалось. Извертелся весь. Сказывались и разница во времени с Союзом, и яркий месяц, висящий в звёздном небе почему-то задом наперёд, и неумолкаемый стрёкот цикад, и отдалённый шум морского прибора.

На следующее утро отец уехал с новыми сослуживцами на работу в представительство Министерства рыбного хозяйства СССР, что находилось в рыбном порту Гаваны. Мама приступила к работе «в качестве жены». А я пошёл во двор и привёл домой с улицы тощую добрую собаку. Толпящиеся при входе в гостиницу кубинцы, работники её администрации и разных технических служб, мне ни слова не сказали. Зато мама высказалась вволю. И не только высказалась, но и выставила меня на улицу вместе с псом, красноречиво объяснив, что собакам здесь не место, что это не частный дом, а гостиница. Кубинцы слышали всё это, ничего не понимали, но до них дошло всё. Они одобрительно поглядывали на мою сердитую, но ещё более привлекательную в гневе маму.

Я сходил домой, вынес большую сахарную кость и вставил её собачке в пасть. С тех пор собака каждое утро в течение двух лет встречала меня у входа в гостиницу. Я давал ей что-нибудь вкусненькое, и она, счастливая, вильнув хвостиком, убегала до следующего утра.

С понедельника и я занялся полезным делом – пошёл в школу. Школа есть школа. А если школа ещё и за границей, то здесь особенно не повякаешь. Чуть что – грозят отцу сказать или в партком обратиться. Чтобы работника за плохую учёбу или поведение его ребёнка отправили обратно в Союз. Действовало как скипидар в одном месте. Здесь выхода нет. Только идти в отличники. Если ты, конечно, не балбес. По-

этому оставалось одно: учиться, учиться и ещё раз учиться.

В воскресенье мы на небольшом пазике поехали на море купаться. На пляж Santa Maria. «Святая Мария», значит. Интересно, почему так пляж назвали? Потому что святые Марии там тоже купались? Святые – кто они такие?

Я сунулся в воду, но сразу же обжёгся о медузу. И мне купаться враз расхотелось. По ноге такая красная полоса вздулась! Мама перепугалась и хотела вести меня в травмпункт, но наши объяснили ей, что раз я сразу не умер, то, значит, буду жить. Главное, чтобы эта проклятая медуза своим синим телом не легла человеку на спину. Если ляжет, тогда точно крышка будет. От нервного паралича. Поэтому, когда заходишь в воду, надо смотреть по сторонам и только потом купаться. Щупальца медуз далеко видны!

Мне после ребята рассказывали, что медуз Agua mala, что значит «плохая вода», много только в зимние месяцы, а потом они уходят. А бывает, что их вообще нет зимой.

Поэтому я сидел на песочке под сосенкой и украдкой глазел, как плавают родители, как целуются, обнимаются и прижимаются молодые парочки кубинцев в воде, на берегу под простынями и так просто – без простыней...

Мой отец неожиданно встретил кубинских военных, с которыми дружил ещё в Экваториальной Гвинее. Среди них – начальника особого отдела кубинского военного отряда. И пошёл со своими приятелями в бар – угощать ромом.

Мне отец рассказывал, когда мы ездили на рыбалку в Под-

московье, что в эту Экваториальную Гвинею, в город Бата, где они были с мамой, в 1974 году прибыл отряд из 70 кубинцев с пушками и пулемётами – защищать молодую Гвинейскую Республику и создавать Национальную гвардию. Командиром у кубинцев был команданте Хорхе Дельгадо.

Эти кубинцы практически и спасли наших 10 военных советников и военспецов, мою маму и жену старшего переводчика от разных тропических болезней и холодной костлявой руки голода. Если бы не кубинцы, нашим военным пришлось бы совсем туго. Мама рассказывала, что с продуктами у них было плохо. Пальмовое масло вытапливали из пальмовых зёрен, булочки из китайской муки ели, выковыривая из них разных червячков.

Частые отключения электричества не давали возможности хранить в холодильнике то небольшое, что нам перепало от наших рыбаков, которые изредка заходили в наш порт. Индусы, что бывали на Кубе, узнав, что папа и его приятели – за Индиру Ганди, давали иногда кое-какие консервы в ржавеющих банках. Спасибо Индире! «Хинди руси бхай бхай!»

А в основном весь год наши военные питались хеком серебристым. Отец говорил, что они столько съели этого хека, что ходили ночью как электрические фонарики, так как пропитались насквозь фосфором. В общем, рассказывал отец, они исполняли в Африке свой интернациональный долг, а выживать им помогали не свои, а кубинцы. А свои – привезут раз в месяц на самолёте деньги и письма и улетят

обратно с жутко ободряющим напутствием: «Молодцы, держитесь!» И чем хотите, тем и питайтесь.

Я горжусь своими родителями. Они столько пережили в этой Африке! «На горе Фернандо-По, где гуляет Лимпопо». Они вернулись из Африки в нервном истощении. А многие не вернулись вовсе. Или их привозили в железных гробах со стеклянным окошечком...

Когда отец допил с кубинцами ром, он рассказал нам с мамой, что в Военном морском госпитале работает начальником хирургического отделения его друг по Гвинее, который был в кубинском отряде военврачом. Отцу дали его телефон и пообещали найти Хорхе Дельгадо, если он ещё жив, а не погиб в Анголе. Знаю, что мои предки многое не договаривают. Рано, говорят, мне всё знать. Ничего, когда-нибудь всё расскажут, расколются...

В нашем доме советских ребят моего возраста было примерно трое. «Примерно» – это потому что один русский мальчик с нами практически не общался, а всё время учился на чём-нибудь играть. По-моему, он учился играть и на аккордеоне, и на скрипке, и на арфе, и на виолончели, и на контрабасе. На чём ещё можно играть? Но, как мне кажется, не научился ничему. Хотя на концерте художественной самодеятельности он пропиликал что-то на чём-то и сорвал шквал растроганных пьяных новогодних аплодисментов.

Зато с другим русским мальчиком мы подружились. А спустя несколько месяцев подружились и с местными ку-

бинятами. Играли с ними после школы в пелоту (бейсбол по-кубински) и в футбол. На классном настоящем футбольном поле! Пелоту мы не любили, так как не любили проигрывать. Зато в футбол мы сражались с кубинцами на равных, хотя они были и постарше нас. Мы прекрасно понимали местных ребят и без слов. Я рассказывал как мог кубинятам о любимой команде «Динамо», показывал, как Численко забивал мячи в девятку, как ловко обводил всех Маслов, как ломал оборону соперников мощный Глотов. Но и отдавал должное игрокам других команд: показывал фирменный финт Месхи, удар назад в падении через себя в исполнении Бышевца.

Но футбол требует жертв. Однажды я пробивался к воротам противника и на меня сверху навалился вратарь. Падая, я ударился головой о штангу. В глазах у меня всё зашаталось, появились какие-то серые мурашки, потом потемнело, и я отключился. Когда пришёл в себя, увидел вокруг испуганных ребят и неизвестно откуда взявшихся кубинских школьников в коричневых платяцах, белых рубашечках с синими пионерскими галстуками. Они все стояли и молча смотрели на меня.

Одна девочка вдруг рванулась с места, подбежала ко мне и стала приводить меня в чувство, вытирать мне своим платочком кровь со лба, обмахивать рукой лицо. Кубинские ребята ревниво на меня поглядывали, перешёптывались и бурчали. Но девочка что-то им сказала, из чего я только уловил, что её отец полицейский. К чему она это им сказала, я сразу

не сообразил. Только потом до меня дошло, что она их так предостерегала на всякий случай. Я эту девочку запомнил. И запомнил, куда она потом ушла. В школу-интернат неподалёку.

Через несколько дней, когда моя рана зажила и выдалось свободное время, я пошёл к интернату и нашёл эту девочку. Она прыгала с подружками по начертанным красной краской на асфальте квадратам. И напевала популярную в то время песенку «Игра в Симона», которую транслировали по местному радио и телевидению.

Чёрные её волосы были зачёсаны назад в две косички с пробором. В проколотые насквозь уши были вставлены золотые серёжки в виде шариков. А кожа её была светло-коричневого цвета – как у ириски или недоваренной сгущёнки. А варёную сгущёнку, пусть даже и недоваренную, я обожал! Может, поэтому я в эту девочку и влюбился? Или потому что запомнил её колени, на которых лежала моя голова в обмороке, и её руки, вытирающие платком мою геройскую кровь с разбитого лба?

– Псст! – позвал я её, как это принято у кубинцев.

Она подошла ко мне, несколько не удивившись. Я на ломаном испанском языке и жестами, на пальцах, объяснил ей, что я тот самый советский футболист, что разбил себе лоб неделю назад о штангу, а она мне вытирала кровь. Что зовут меня Володя, мне девять лет и учусь я в третьем классе в школе советской *embajadi*, посольства то есть. Она всё

прекрасно поняла, наверное, потому что я уже хорошо говорил по-испански, и сказала, что зовут её Марина и ей тоже девять лет.

Я сходу пропел ей кусочек из передаваемой часто по радио *Rebelde* и популярной в то время итальянской песни на испанском языке: *Marina, Marina, Marina, contigo me quiero casar!* Не понимая содержания песенки, я уже давал кубинке обещание на ней жениться! Марине это очень понравилось. И мы договорились с ней встретиться *mañana*, то есть завтра, в субботу, в шесть часов вечера за нашим домом на берегу моря. Как мы договорились? Элементарно. Я нарисовал на земле её школу, футбольное поле, мой дом, море, место встречи и показал на пальцах время. Она кивнула и, смеясь, убежала.

У папы в представительстве работал врач Серов. Великан. Когда папа нервничал и просил у него валерьянку, тот давал, но и учил папу, как надо бороться со стрессом, когда его распекает начальник. Врач показывал, что надо сложить фигуру из трёх пальцев, засунуть её в карман вместе с рукой и держать там, пока начальник не успокоится. Мол, очень эффективное средство от нервов.

А ещё – Серов был большой врун. Он рассказывал, что однажды плавал в море с маской и на него сверху, когда он нырнул с ружьём за рыбой, надвинулась огромная чёрная тень и закрыла собой солнце. Серов сказал, что испугался и у него чуть не произошёл разрыв сердца, так как он подумал, что

это была акула. А потом он якобы разобрался, что это над ним проплыла огромная, тонны в две, морская корова, которая питается планктоном, то есть водорослями, мелкой креветкой и моллюсками. Никто ему, конечно, не поверил, потому что приврать Серов любил.

Он обиделся и надулся:

– Я вас лечить больше не буду.

Ну куда он денется! Шеф прикажет – будет лечить нас как миленький.

Так вот, наше первое свидание с Мариной состоялось как раз там, где охотился Серов. Берег там такой, что сесть просто невозможно. Всё вокруг вулканического происхождения – острые чёрные камни или острая запёкшаяся лава. Поскольку говорить нам особенно было не о чем, мы решили искать мальков и крабов в заводях. Поиздевавшись над крабами, которые пощипали нам пальцы, мы стали собирать затвердевших много тысяч лет назад моллюсков с ребристыми боками и с дырочкой наверху, куполообразной формы. Маленьких таких, с двухкопеечную монету. Я набил ими полные карманы.

Марина удивлённо на меня смотрела, мол, зачем я это делаю. Я пытался ей объяснить, что из них можно сделать приличные занавески – как вьетнамские из тростника, но не сумел это изобразить ни на пальцах, ни словами. Я старался дать ей понять, что это вещь нужная в хозяйстве и у меня дома сгодится. Воздух пах водорослями и морем. А от Марины

исходил какой-то незнакомый мне ещё запах. Такой необыкновенно нежный и мягкий аромат.

Мы с Мариной ещё не раз приходили на это наше место, и я набрал целый мешок этих моллюсков, который потом мама не раз грозилась выбросить и наотрез отказалась везти в Москву, когда мы улетали. Мне удалось спрятать в последний момент в её белье только килограмма два этих моллюсков, из которых я всё же сделал потом висячие занавески – шторы в домике на даче, нанизав моллюски на капроновую леску. Ну и досталось же мне потом от мамочки, когда уже в Москве она обнаружила в чемодане среди своих нарядных платьев этих серых доисторических млекопитающих.

Почему мы часто ходили с Маринитой на этот малоприспособленный для свиданий берег? Надо знать, что такое восточная Гавана. Восточная Гавана – это городок из нескольких высоченных бетонных домов, как у нас на Калининском проспекте, и из нескольких десятков трёх- и пятиэтажных кирпичных домиков шестиугольной формы. И деться там просто некуда. Всё у всех на виду.

Мои родители быстро узнали, с кем я провожу свободное время, но мне не препятствовали. Лишь бы учился хорошо. Мой же испанский словарный запас пополнялся быстро. На зависть всем другим ученикам в моем классе. А отец как-то раз сказал мне, подмигивая и явно намекая на Мариниту: – У твоей юной знакомой подлинно прекрасное лицо.

Я с интересом взглянул на отца. Я знал, что встречаются

прекрасные лица, но чтоб ещё и подлинно прекрасные – это что-то новенькое. Как он красиво сказал!

Мама же моя стала общественной деятельницей: организовывала художественную самодеятельность к праздникам, на которые мы приглашали и кубинцев, работающих в гостинице, вела политинформацию для советских женщин, решала с кубинцами бытовые и технические проблемы, возникающие у советского персонала, проживавшего в гостинице. За это перед нашим отъездом домой администрация гостиницы торжественно вручила маме редкую по тем временам для кубинцев большую вазу.

Однажды я оказался в столовой гостиницы, когда там обедали кубинцы. Мне тогда показалось, что на алюминиевых подносах у них как-то маловато еды и на вид она была не очень приглядной. Я спросил в школе у учительницы, как кормят детей в кубинских интернатах. Я думал, что она знает, так как наша школа шефствовала над одной большой детской кубинской школой-интернатом: мы подарили кубинским детям телевизор, возили разные подарки, оборудовали им красный уголок с нашими сувенирами и однажды вместе с интернатовцами собирали апельсины. Я весь искололся об эти проклятые шипы!

Учительница ответила, что детей там кормят нормально. Но всё же я предложил взять шефство над школой, где училась Марина, и помогать им продуктами. Но учительница сказала, что, к сожалению, мы этого сделать не можем. Сво-

их продуктов у нашей школы нет, а завтраками нас в школе кормят на деньги наших же родителей.

Тогда я на каждую встречу с Мариной приносил ей конфеты. Она так долго держала раз шоколадку в руке, что она растаяла и потекла. И тоненькие Маринкины ручки стали из светло-коричневых местами тёмно-коричневыми. А она облизывала пальцы и смеялась.

Конфетами она делилась с подружками и родителями. И передавала мне от них спасибо.

А уж с разрешения своих родителей я подарил Марине мой любимый радиоприёмник в кожаном футляре.

– А как же ты? – спросил отец.

– Ничего. Обойдусь.

Но на всякий случай поинтересовался:

– А нельзя мне привезти из Москвы ещё один?

– Это вряд ли, – ответил папаня.

Какой это был праздник для моей Мариниты! Она меня даже обняла за шею. И мне показалось, поцеловала. Она с приёмником не расставалась ни в школе, ни на наших встречах. Иногда просила купить ей батарейки, и я покупал. Как мы вместе проводили время? Что мы делали? Дела всегда находились. Как я говорил, гуляли у моря, рассказывая о себе, о родителях, школе, о Москве и Советском Союзе, о Кубе, обменивались сувенирами и значками.

Я приносил ей выпрошенные в гостиничной детской комнате для детей русских специалистов игрушки, куклы. Мы

слушали музыку, много фотографировались, пока не кончилась плёнка.

Киноплёнку и цветную пленку для слайдов мы отправляли домой, в Москву, чтобы она здесь, в тропиках, не испортилась за два года. Новую плёнку нам присылали с оказией дедушка и бабушка, родители мамы. А реактивов для чёрно-белой плёнки мы привезли с собой много. Плёнки в гостиничной фотолаборатории проявлял мой отец, а нам давал уже готовые фотографии. Потом ему это надоело, и он научил меня проявлять плёнку и печатать фотографии.

Я решил показать, как я это делаю Марине, и научить её этому делу. Мы закрылись в лаборатории и в красном свете проявляли и печатали фотокарточки. Один раз я не удержался и, не отдавая себе отчёта, лизнул плечо девочки. Марина замерла от неожиданности и не двигалась, не глядя на меня. Тогда я прошёлся языком от её локтя до плеча.

– Ты что, кот? – спросила меня Марина, поглаживая облизанную руку.

– Да, – признался я. – Мяу!

И страшно зарычал.

– Котик, смотри, как хорошо мы здесь получились, – сказала Марина.

Уже через два урока она сама проявляла и печатала, пока не кончились реактивы. И нам пришлось переключиться на другие дела. Надо сказать, что виделись мы нечасто. По выходным, когда она возвращалась из школы домой,

в свою семью. Но как было трудно дожидаться очередной встречи! Нас так тянуло друг к дружке! И никак не хотелось нам расставаться опять на целую неделю!

Папа очень уставал на работе. Я понял, что работать переводчиком так же тяжело, как водителем автобуса или, например, шахтёром. Я вскоре уже знал, что в представительстве работали 22 наших специалиста и только два переводчика. Скажем, у пятерых специалистов возникает в день пять вопросов для решения с кубинцами. По одной проблеме на брата. А для переводчика в день возникает, значит, несколько проблем, требующих решения.

Специалист решил свой вопрос и пошёл, счастливый, мыть машину представителю. Переводчик же бежит к следующему специалисту, ждущему его со своим вопросом. Или, скажем, после ночного дежурства в представительстве, где была тьма комаров и против них – только дихлофос, когда специалисты отбывали домой спать, а переводчики ещё работали весь день.

Без переводчиков все были как без рук. А ведь ночью надо было заводить и встречать суда в порту, следить за их выходом из порта в море, на промысел, следить за своевременным прохождением судами санитарных, таможенных и пограничных властей, за обеспечением судов водой, топливом и так далее. Или искать в городе терявшихся там иногда рыбаков.

Сегодня, в воскресенье, мои родители поехали на концерт

в шикарное, как рассказывали, открытое кабаре «Тропикана». Значит, надолго.

Не дожидаясь их отъезда на автобусе, я вроде как пошёл погулять, а на самом деле зашёл за Мариной, как мы с ней договаривались, и повёз её в кино.

Марина была нарядная. В новом платье. В бусах из каких-то красных и коричневых фруктов или сушёных ягод. Мы сели в автобус, исторически называемый на Кубе «гуагва». Я так и сказал Марине, галантно приглашая её рукой на посадку:

– Guagua, por favor. (Пожалуйста-с в автобус, значит.)

На входе я опустил несколько монеток сентаво в кассу в форме длинной зелёной трубы рядом с шофёром-кондуктором, и мы уселись на высокое заднее сиденье. Я рассматривал и нахваливал её бусы, а ей понравилась моя стильная цветастая рубашка навыпуск. Она её пощупала и погладила.

Мы добрались до центральной улицы Рампа и направились в лучший городской центральный кинотеатр Гаваны «Яра». В «Яре» в тот вечер шёл фильм с интригующим названием «Дьявольски твой». Если на афише написано *Diabolicamente tuyo*, то с переводом не ошибёшься.

Заплатив в кассу два песо и получив билеты, мы направились к входу, где нас ни с того ни с сего тормознула билетёрша. Она показала на надпись под афишей, которая гласила, что фильм только для тех, кто старше 14 лет. Как будто я этого не понял по выставленным под стеклом рекламным

кадрам из фильма! У нас в Москве тоже такие фильмы показывают только тем, кто старше 16. Я попытался прорваться и подтолкнул к входу Марину, но билетёрша своим жирным телом перегородила нам дорогу.

– Я советский, – сказал я билетёрше по-испански, ещё на что-то рассчитывая.

Билетёрша взяла нас за руки и подвела к кассе. Вернула в кассу билеты, всучила нам два песо и хотела дать нам рукой по... в общем, хлопнуть нас сзади. Но мы с Мариной одновременно рванулись вперёд, чтобы избежать позора на людях. Презрительно посмотрев на билетёршу, я повёл Марину по улице дальше. Мы молча дошли до кинотеатра Трианон, немного похуже, где шёл фильм с французом Аленом Делонем. И опять: Para mayores de 14 años. Я всё же снова купил билеты и при входе сказал седому старику, что я sovietico. Но этот нас не задерживал. Нам показалось, что он был и слепым, и глухим. Или просто старым. Кивнул головой – и всё.

Фильм шёл по системе non-stop, то есть постоянно, без остановки. Мы пришли где-то в конце фильма. Когда фильм заканчивался, я понял, что Ален Делон победил. А потом мы стали смотреть фильм с самого начала. О чём был фильм, я так и не понял, так как с замиранием сердца смотрел на Марину, а она временами поглядывала на меня. Я касался пальцами её руки. Потом я сбегал и купил мороженое. В зале работал кондиционер, поэтому было прохладно.

А на улице было жарко и влажно. Марине фильм очень

понравился. На выходе из кинотеатра она меня поблагодарила и взяла под руку, чем меня очень смутила. Я не знал, опустить мне руку или прижать к груди. Поэтому мы просто взяли за руки и побежали на автобус, чтобы успеть домой до возвращения моих предков из кабре.

На днях отец пришёл с работы поздно и довольный. Он был на приёме, который организовали кубинцы в кают-компании большого транспортного рефрижератора. Там было много приглашённых советских гостей. Папе поручили переводить нашему военному атташе полковнику Орджоникидзе, который пришёл без своего переводчика.

Всех угощали вкусной рыбой и коктейлем из креветки. Причём ешь сколько хочешь. Коктейль выглядел так: в большую рюмку наливали вкусный соус, а на края рюмки вешали много очищенных королевских креветок длиной 10—12 сантиметров.

Капитан пригласил отца в свой кабинет рядом с кают-компанией, чтобы дать ему какую-то бумажку. Открыл ящик своего стола, а там отец увидел настоящий пистолет Макарова.

Бывали у отца на работе и серьёзные происшествия. В доке, где работала наша подменная команда ремонтников, как-то случился пожар. Когда его тушили, обожглись несколько наших рыбаков. Особенно сильно пострадал один. Он получил ожоги средней и высокой степени тяжести – 80 процентов. Дежуривший в представительстве экономист пред-

ставительства сразу вызвал скорую помощь, которая увезла пострадавших в обычную больницу, где не было специального ожогового отделения.

Когда об этом на следующий день узнал мой папа, он позвонил в Военный морской госпиталь, недалеко от восточной Гаваны, главному хирургу, своему приятелю по Гвинее, и спросил, не могут ли в госпитале принять на лечение советского рыбака, получившего ожоги. Главный хирург госпиталя спросил, какая степень тяжести вреда здоровью. Папа ответил, что все ожоги – тяжёлые, повреждено 80 процентов кожи. Главный хирург сказал, что дела плохи, но пусть срочно везут рыбака в госпиталь, а ещё из Советского Союза надо срочно привезти плазму крови определённой группы. Хотя у них в госпитале и сильное ожоговое отделение, и современное оборудование, но именно такой плазмы у них сейчас нет.

Пострадавшего в этот же день привезли в госпиталь, сделали анализы и сказали, какую плазму нужно срочно доставить на Кубу. Начальник ожогового отделения сказал отцу, что они ещё поборются за жизнь рыбака, но надо, чтобы рядом с пострадавшим рыбаком постоянно дежурили переводчики. Важно было знать, что говорит больной.

Мой отец и его напарник дежурили в реанимационном отделении по шесть часов, сменяя друг друга, и продолжали работать в представительстве. Не знаю, когда они спали.

Отец рассказывал, что начальник ожогового отделе-

ния отличный мужик, понравился ему. Он воевал вместе с русскими ракетчиками против американских агрессоров во Вьетнаме. Делился с отцом воспоминаниями, говорил как-то, что когда русские и вьетнамцы отбивали очередной налёт американской авиации, то русские военные доставали свой продукт – водку из СССР, а кубинцы – свой самый лучший апельсиновый сок. Они смешивали водку с соком и пили за дружбу между советским, вьетнамским и кубинским народами.

Два дня наш рыбак страдал от страшных болей. Мужественные кубинские медсёстры и врачи, отдирая гнойные повязки и меняя их на свежие, говорили ему жалостливо:

– Кричи, миленький! Ругайся!

Рыбак был молодой сильный высокий мужчина 32 лет. И он кричал и ругался матом. Потом потерял сознание. На девятые сутки он умер. Плазму крови из Ленинграда привезли на Кубу. А из гаванского аэропорта на скорой помощи – в госпиталь. Плазма опоздала всего на несколько часов. Хотя врач сказал, что всё равно она бы уже не помогла.

Отец долго не мог прийти в себя, очень переживал. Всем было ужасно жалко этого парня! Мы с мамой как могли поддерживали папу.

Время от времени у меня появлялась мысль, что будет с Мариной и со мной, когда закончится командировка отца. Я не находил на этот вопрос ответа. И старался об этом не думать. Но всё равно думалось...

В прошлое воскресенье мы выезжали на пикник за город, на природу. Всем представительством. С жёнами и детьми. На двух автобусах. Вместе с нами ездили и работники рыбного порта. На трёх зелёных автобусах. Тоже все с семьями. Победители социалистического соревнования.

Мы приехали на место, где было много гигантских камней, поросших травой и кустарником. Сладко благоухали акации. Летали как пчёлы колибри. Автобусы мы оставили у дороги, а сами пошли гулять. Потом, ближе к обеду, организовали прямо на земле столы. На скатертях мы и кубинцы разложили привезённую с собой еду, поставили бутылки с пепси и ромом. За нашим длинным столом на земле сидели кубинцы, победители социалистического соревнования, с семьями и несколько наших семей.

Таких столов на поляне было много. За каждым сидели и русские, и кубинцы. В нашей компании все по очереди говорили тосты за дружбу, а папа их переводил на русский язык и на испанский. Он так много переводил, что даже запьянел, его язык стал заплетаться.

Всем было весело. Мы с кубинцами фотографировались в обнимку. Потом все пели «Катюшу», «Подмосковные вечера» и другие. Вернулись мы домой где-то в 23:00.

На Кубе все готовились к проведению XI Всемирного международного фестиваля молодёжи и студентов. Наше представительство и мой отец со своим напарником, старшим переводчиком, занимались обустройством Центра со-

ветской делегации. Когда на Кубу прилетели и приплыли все члены нашей молодёжной делегации, они пришли в этот центр. Отдохнуть, послушать выступления артистов, покурить.

Однажды отец взял нас с мамой, чтобы показать этот центр и просто отдохнуть, проветриться. Мы сидели за соседним столиком с главой нашего представительства Ковалем и пили пиво. Конечно, не я. Мне пиво не полагалось. Япил тоник, обжигающий газом горло.

В холл вошли двое высоких молодых красивых мужчин в льняных белых костюмах.

Я спросил отца:

– Пап, что-то знакомые вроде лица. Я с ними когда-нибудь встречался? А почему у них такие шеи толстые?

– Встречался. И часто. По телевизору. Ты не видишь? Не узнаёшь? Это наши популярные эстрадные певцы. Твои любимые. А шеи... Да потому что они певцы. Они...

Но договорить отцу не дал его начальник. Глава представительства громко сказал отцу:

– Владимир Иванович, подойдите, пожалуйста, ко мне. Видите? Это же Иосиф Кобзон и Лев Лещенко. Я вас прошу, идите к ним, представьтесь и от моего имени пригласите их за наш столик. Я хочу с ними побеседовать. И сами к нам присоединяйтесь.

Когда Кобзон и Лещенко сели за столик главы представительства, Коваль заказал для них пива и попросил их вы-

ступить, когда у наших певцов будет время. Мама подошла к столику, за которым сидели известные артисты, и дала Льву Лещенко свой пригласительный билет, пропуск в центр, с эмблемой фестиваля для автографа. Лев Лещенко спросил, как зовут мою маму, и написал: «Мире желаю добра!» И подписался. Потом передал билет Кобзону. Иосиф Кобзон прочитал, кивнул головой и тоже подписал пожелание.

Меня поразило выступление в Культурном центре советской делегации девочки-гимнастки, совсем подростка. Она делала сальто на шесте, который держали на плечах два гимнаста.

Три дня спустя Иосиф Кобзон, Лев Лещенко и ещё несколько артистов, в том числе певец из Большого театра, выступали на палубе Большого морозильного рыболовного траулера (БМРТ) перед сотнями советских и кубинских рыбаков. И пели песни три или четыре часа подряд.

Не каждый день выпадает увидеть собственными глазами звёзд нашей эстрады Кобзона и Лещенко. Отец мой на концерте не был, поскольку дежурил в представительстве, но рассказывал, что советские и кубинские рыбаки и портовые работники были в восторге от выступления советских артистов и долго не отпускали их, аплодировали.

Перед отъездом на родину советской делегации кубинцы преподнесли её членам ценные подарки. Иосифу Кобзону подарили громадное чучело черепахи Carey, панцирь которой идёт на изготовление украшений для модниц. А через

несколько дней я увидел девочку-акробатку из центра уже на международном карнавале, когда она проходила в составе советской делегации с показательными выступлениями по набережной Гаваны el Malecon – Малекон. Шествие многочисленных иностранных делегаций и живописных, красочных кубинских карросас с танцующими на них артистами, разодетыми в национальные костюмы, растянулось на несколько часов. Так было красиво! Необычно. Стоял такой шум! Столько музыки!

Был поздний вечер. Страшная жара, влажность. А советской делегации всё нет и нет. Мы устали даже просто стоять. И наконец выходят наши. Эта девочка стала перед центральной трибуной вытворять такое! Такие делать кульбиты на тонюсеньком шесте! Мы ещё тогда в центре со страхом на неё смотрели – боялись, что она промахнётся или сорвётся с шеста и упадёт на землю. А здесь она выступала на асфальте!

Мы затаили дыхание, молясь, чтобы она не разбилась. Бог миловал – всё закончилось благополучно. Но какая смелая и рискованная была наша гимнастка-акробатка. Меня пробиравла гордость за неё. Вот какие мы, русские!

После фестиваля отец нам рассказывал, как кубинцы сорвали провокацию делегаций некоторых западных стран, в частности англичан, которые хотели на фестивале пройти под флагами проституции, наркотиков, лесбиянства. Но кубинцы сказали «на ушко» организаторам провокаций, чтобы они особенно не удивлялись, если кто-то из них выпал

дет случайно с шестого этажа гостиницы или на полном ходу из автобуса. И кубинцы, папа говорил, их так обработали, что почти все члены английской делегации и других, которые хотели сорвать фестиваль, не сделали ничего предосудительного и даже добровольно сдали в конце фестиваля свою кровь как доноры. Кубинцы, чтобы их не обидеть, кровь взяли, но русским сказали, что всё равно их кровь они пустят только на технические нужды.

В завершение фестиваля мы попали на гала-концерт советской делегации в роскошном Театре Карла Маркса. Мы – папа, мама и я – сели на первом ряду бельэтажа. Дверь на балконе распахнулась. В окружении охраны в зал вошли Фидель Кастро и руководители советской фестивальной делегации. Зал встал и долго им рукоплескал.

Когда Фидель садился (в одном с нами ряду, только через проход), напротив мамы расположился дюжий телохранитель с пистолетом в накладном кармане нарядной, расписной guayabera – праздничной кубинской рубашки на выпуск.

Желая лучше разглядеть Фиделя Кастро, мы с отцом сделали было шаг вперёд и спустились на ступеньку в проход. Но появившийся перед нами накачанный охранник-мулат, тоже с пистолетом в кармане guayabera, вернул нас на свои места. Мы этого как бы и не заметили, поскольку всё время во все глаза смотрели на легендарного героя кубинской революции, друга нашей страны Фиделя Кастро Рус.

Затем стало тихо. Свет медленно потух, и на сцену вышел

в строгом чёрном костюме элегантный Иосиф Кобзон, первый голос страны. Преклонив колено перед огромным портретом Че Гевары, прекрасным голосом пропел трогательную песню, посвящённую отважному бойцу. Вообще концерт был что надо! И запомнился нам всем на всю жизнь.

Потом на улице мы видели, как кубинские военные обнимали и подбрасывали вверх детей советских специалистов, которые были со своими семьями на концерте. Меня подбрасывать никто не стал. Наверное, потому что я стал уже достаточно тяжёлым – 11 лет как-никак. Но один кубинский офицер всё же прижал меня к себе...

Мы с Маринитой нашли себе новое развлечение. Заглянули мимоходом в радиостудию нашей гостиницы, куда всем «Вход строго запрещён». Так гласила надпись на металлической двери. Всем, кроме нас. И мы туда зашли. И никто нас не выгнал.

Марина быстро уговорила приятного молодого кубинского работника радиостудии дать нам послушать, звучащие отовсюду песни диско-группы Woney M. Не простые, а самые что ни на есть стереофонические! Кубинец надел каждому из нас на голову мягкие наушники и сказал: «Только недолго». Это «недолго» растянулось на три часа. И ещё на несколько дней по несколько часов.

При хозяйине студии мы сидели в кожаных креслах как порядочные, а когда кубинец уходил, забирались в кресла с ногами и балдели с закрытыми глазами от потрясающего звуча-

ния музыки. С необыкновенным чувством слушали мы музыку оркестров Джеймса Ласта и Поля Мориа, незабываемого хора Рей Кониффа, весёлые, заводные песни Роберто Хордана и групп Los Mustang и Los Brincos, душевные национальные мелодии в исполнении чудесного кубинского ансамбля Buena Vista, гуарачу, болеро замечательного оркестра Bellamar из провинции Пинар-дель-Рио и многое другое. Это было наше прикосновение, наше приобщение к высококлассной музыке. Это были сказочные дни!

Но всё в жизни когда-нибудь кончается, как любил говорить глава нашего представительства. Отец принёс с работы известие, что нам всем едет замена. Значит, надо собираться в Москву.

Я тянул, не зная, что сказать Марине. Но время неумолимо поджимало. И однажды, на берегу моря, под плеск прибоя я сообщил Марине эту печальную весть. Она, видимо, что-то предчувствовала.

– И что теперь будет? – прошептала Марина.

– Я уговорю отца приехать на Кубу снова. Через год, – уверенно сказал я.

– Правда? – не поверила Марина.

– Ещё какая правда! – искренне сказал я.

– Хорошо. Тогда давай обменяемся адресами и будем этот год переписываться.

– Каждую неделю.

– Каждую.

– А когда вы улетаете?

– В эту пятницу. Днём.

– Во сколько?

– Я на днях приду к тебе и скажу, когда мы будем уезжать из гостиницы.

– Я приду тебя проводить.

– В учебный день?

– Сбегу, если не отпустят.

Больше говорить было не о чем. Или не находилось нужных слов. Мы, как всегда, взялись за руки и сидели, глядя на море, думая, казалось, каждый о своём, а на самом деле думали об одном и том же.

– Как здесь красиво, – прошептал я дрожащим голосом, указывая рукой на закат.

– Да, красиво. Я буду приходить сюда.

– Я тоже буду часто тебя вспоминать и думать о тебе.

– Верю.

– Ничего, год быстро пролетит. Вот здесь два года пролетели в одно мгновение, – сказал я, вспомнив испанское выражение «В одно открытие и закрытие глаз».

Было уже поздно. Надо было возвращаться домой. Но никто не мог и не хотел первым сказать «Пошли». Грустные, мы встали одновременно и побрели к гостинице. Точнее, поплелись. А затем, улыбнувшись друг другу, направились было по своим домам, но Марина вдруг взяла меня за руку и завела за угол дома, где мы долго, неумело, но так сладко и креп-

ко целовались ещё целых полчаса. И со слезами на глазах разошлись. Каждый в свою сторону.

Марина пришла ровно в час нашего отъезда. Попрощалась со мной нервным пожатием руки, кивнув уважительно моим родителям. Мама долго гладила девочку по голове и поцеловала её в темечко.

Маринита помахала рукой вслед нашему уезжающему автобусу и побежала назад, достав на бегу из кармана розовых брюк розовый платочек. Никто не видел моих слёз, потому что я, развернувшись, глядел в заднее стекло. А родители, тоже смахивая слёзы, смотрели только вперёд.

Александр Иванович, директор ибероамериканских программ одного из московских гуманитарных университетов, обнаружил свой кубинский дневник, разбирая бумаги на квартире своей матери. Полистал тетрадь, местами зачитываясь. Погладил потёртую, шершавую и потрескавшуюся от времени коричневую дерматиновую обложку общей тетради с приклеенным на ней бумажным квадратиком из школьной тетради в клеточку с надписью «Кубинский дневник», сделанной детской рукой.

Когда Саша вернулся с Кубы в Москву, он первым делом спросил у родителей адрес посольства СССР на Кубе, чтобы передали письмо Марине. И тут родителям пришлось сказать сыну горькую правду о том, что передавать письмо Марине из посольства никто не будет. Саша не мог сразу в это поверить. Ведь при отъезде с Кубы родители ничего

ему не говорили. Лишь молча соглашались, что он сможет легко переписываться с Мариной. Значит, они всё знали наперёд и просто его обманули!

Родители оправдывались тем, что не хотели его тогда, на Кубе, расстраивать. Следуя мольбам сына, родители сказали, как надо писать в МИД СССР, чтобы письмо попало в посольство на Кубе. И Саша написал.

Но через три недели письмо вернулось обратно с надписью на конверте «Адресат в посольстве не значится». Это было для Саши ударом. Тогда он написал письмо с указанием адреса Марины, который она ему дала при их расставании. И пошёл на почту. Ему наклеили на конверт много марок на приличную сумму, и письмо ушло.

Ответ от Марины он получил. Но только через два месяца, когда уже и не надеялся. Марина писала, что скучает, вспоминает их встречи и надеется увидеть Сашу снова. Он написал Марине опять. Ответ пришёл через три месяца. А потом он сам написал Марине спустя два месяца, а ответа дождался через пять месяцев.

Затем школьная жизнь его закружила, завертела. Он всё реже вспоминал Марину, но грустил иногда, пересматривая фотокарточки о Кубе. Наконец он понял, что никогда больше не увидит Мариниту, свою любовь, и что писать на Кубу больше не следует. Не надо делать больно ни Марине, ни себе. Всё равно никакой надежды у него на встречу с Мариной уже не оставалось.

Расстояние и время сделали своё дело. Остались лишь светлые воспоминания о его первой детской любви...

– А не попробовать ли, – сказал вслух Александр Иванович, – опубликовать эти мои детские записи? Может быть, современным подросткам будет любопытно узнать, как любили, служили и работали за границей, в общем, жили их старшие соотечественники? Ведь без памяти нет истории.

Александр Иванович, вздыхая, перебирал многочисленные фотографии, которые они делали с той дорогой ему кубиночкой, девочкой-смуглянкой много лет тому назад:

– Какие мы здесь с Маринитой маленькие, стройненькие и хорошие! Как много мне дала та поездка на Кубу! Она научила меня любить, дружить и многому, многому другому.

Он подошёл к серванту и стал в тысячный раз рассматривать сувениры, привезённые тогда с Кубы. Вот редкий посеребрённый брелок с пятиконечной звездой и картой Кубы в ней, с надписью наверху и внизу *Cuba libre. Primer pais socialista en America*. Вот чучело маленького крокодильчика на деревянной подставке с золотой металлической табличкой *Cuba*. Вот ракушки рапан и ракушки-развёртки. Вот белые ветвистые кораллы, резные и острые, как нож, а рядом с хельгой на полу – натуральная морская серая губка. Большая. Целый куст! А вот чучело черепахи *Carey* с ценным панцирем. А вот...

В мавзолей. Ленину!

Эту историю мне рассказал работник Управления заграничных кадров Минрыбхоза СССР. В порыве какой-то душевной безысходности, нервного истощения, отчаяния, бессилия от творящегося в стране бардака принял решение перейти из престижных заграничных кадров союзного министерства (в то время одной из самых коррумпированных отраслей Союза) к нам, в простой отдел кадров Всесоюзное объединение «Рыбзагранпоставка». На более низкий уровень службы и заработной платы. А потом и вообще уехал обратно к себе на Север, где люди гораздо лучше, как он сказал.

По всей видимости, это был человек чести. Порядочный, принципиальный, болеющий за своё дело. А система таких выдавливала. По себе знаю.

Помните, как был расстрелян за хищения в особо крупных размерах министр рыбного хозяйства Рытов, а начальник 1-го отдела министерства застрелился? В основном за то, что чёрную икру продавали своим людям по цене сельди и в банках с этикетками сельди. А вскрылось это случайно – при поставках сельди или икры на экспорт. Открывают, скажем, во Франции банку с русской селёдкой, а там – ба! – икра отборная чёрная. Икринка к икринке.

Это было тогда. А сейчас и за более серьёзные преступления редко кого сажают. Иногда дают пожизненное, но услов-

но. Вы об этом не хуже меня знаете. Это так, шутка. При- сказка. И вот прошло несколько лет после расстрела мини- стра. Вдруг всплыла такая история, о которой знали едини- цы. На одном предприятии по добыче и переработке чёрной икры «Рыбакколхозсоюз» (а попросту – рыбзаводе) на Кас- пии работал ветеран, инвалид Великой Отечественной вой- ны. На его глазах икру разворовывали, а он этому противил- ся как мог.

– За что, спрашивается, мы проливали кровь в борьбе с фашистами, махали саблями в гражданскую и шли на эша- фот при царизме?! – любил он провозглашать.

А боролся он с казнокрадами и расхитителями государ- ственной собственности так: выступал на партсобраниях в коллективе и в райкоме партии, писал в районные и об- ластные газеты и органы партии и ОБХСС. Наконец терпе- ние у местных партийных и государственных властей кончи- лось и его... нет, не убили. Зачем привлекать внимание? То- гда ещё остерегались таких крутых мер по отношению к бор- цам за справедливость. Его просто успокоили тем, что он, мол, своё дело большое сделал и за это ему большое спаси- бо. Выдали денежную премию и отравили на пенсию. Хотя он пенсионного возраста и не достиг, сослались на состояние его здоровья.

Но ветеран узнал, что работницам этого предприятия да- ют деньги за молчание о творящихся там преступлениях. Или запугивали. А воровство росло, внедрялись широко пе-

ресортица, фальсификация товара и так далее. Ветеран изложил все эти факты и отправил письма в областные ведомства. Вновь приглашают старика в горком партии на беседу, где неліцеприятно вдалбливают в его седую голову, что ветерану с простреленной грудью и на протезе не к лицу жаловаться «наверх», минуя свои местные власти, на своих односельчан, соседей и вообще на руководящий состав нашей родной местной партии и родного местного правительства.

Герой войны, фронтовик тем не менее предпринял ещё несколько попыток написать в более высокие инстанции. Его снова вызвали в горком и снова отругали.

– Вот вы, уважаемый Иван Степанович, всё пишете, всё жалуетесь, кляузничаете. А страна строит, пашет, добывает, в космос рвётся, развивается. А ваши грязные пасквили – вот они у нас! И что с вами делать? Ни одна ваша жалоба не подтвердилась. Вы вообще-то нормальный человек? Или умом тронулись? Да хорошо, если только в областные инстанции. Так нет же! Вам этого мало. В союзный ОБХСС, в Совмин, в Минфин, в Минрыбхоз. Сколько важных и ответственных людей потревожили из-за каких то там пяти тонн икры, которую нерадивые работники не так упаковали, сорта перепутали. Такая мелочёвка, ерунда! Мы всё учли и исправили. Виновных наказали. Как вам не стыдно! Нас, коммунистов, позорите перед народом! А я вот беру все ваши доносы и кляузы. И знаете, что с ними сделаю? – берёт стопку бумаг и кидает её в камин. – Хорошо горит?

– Но вы и мафия все!

– Вы, Иван Степанович, насмотрелись, наверное, разных американских и итальянских фильмов, «Спрут» например, про американскую, итальянскую мафию. В советской стране по определению априори не может быть мафии, потому что у нас всё народное. Вот если бы СССР стал, предположим с испугу, капиталистической страной, с олигархами, латифундистами, как в странах Латинской Америки, о которых писал известный вам герой Кубы Че Гевара, к примеру, то тогда, согласен с вами, и у нас было бы много разных мафий: банковская, строительная, финансовая, дорожная, торговая, спиртная, наркомафия и много прочих. Но мы же с вами в Советском Союзе живём, в соцстране, голубчик вы мой.

– Я вам не голубчик! – сверкнул глазами ветеран. – Вы и есть мафия. Самая натуральная мафия.

Ветеран схватился за грудь – прихватило сердечко.

– Беречь своё здоровьице вам надо, а то надорвётесь, – секретарь даже не колыхнулся, чтобы налить воды старику.

Но фронтовик собрался и, стуча гневно костылём по горкомовскому паркету, ушёл.

И снова собрал компромат. Да ещё какой! Да ещё сколько! Пошёл на почту, купил большой конверт, вложил в него все бумаги. Накупил марок по весу, чтобы пакет дошёл до Москвы, обклеил весь конверт марками с изображением плотин, комбайнов, шахтёров, доярок, космонавтов и даже самого Брежнева. Стараясь, чтобы не дрожала рука, аккуратно, бук-

ву за буквой вывел в графе «Получатель» слова: «Москва. Мавзолей. Владимиру Ильичу Ленину». Заклеил конверт канцелярским клеем и отдал девушке в окошке. Та не глядя кинула конверт в стопку.

А через неделю-другую на Каспии высадился «десант» из Прокуратуры СССР, КГБ СССР, Следственного комитета СССР, ОБХСС СССР, Минрыбхоза СССР, Народного контроля СССР. В тюрьмы, лагеря, колонии, на урановые рудники, на стройки пятилетки на долгие годы загремел не один десяток любителей много кушать и много сбывать налево чёрную икру.

- А как Иван Степанович? – спросил я кадровика.
- Данные на сей счёт мне не поступали.

А мы с Можайки!

Дом №19 (в те времена – дом №23) на Кутузовском проспекте (ранее – Можайское шоссе), в котором сейчас размещается ателье известного модельера Валентина Юдашкина, достраивался во время Великой Отечественной войны.

Мой дед работал тогда в Госнабе СССР и занимался снабжением Красной армии. Одеждой, обувью и другими изделиями лёгкой промышленности. Он получил квартиру на Можайке в июле 1942 года. Его семья была в эвакуации, а он – на работе, когда в дом на Кадышевской набережной, где они жили, попала немецкая бомба и, пройдя насквозь четыре этажа, ушла в землю, не разорвавшись. Крышу разворотило, дом пошёл трещинами, а полы вздыбились.

Во дворе нашего дома на Можайке был работающий фонтан, в центре которого на постаменте стоял пионер из белого гипса. В шортах, рубашечке-безрукавке, с галстуком на шее и горном во рту.

Высокий деревянный забор ограждал двор от трущоб: дряхлых домишек, сараев, пристроек для кур. Там жила, как мы говорили тогда, шпана, с которой мы нередко перекидывались увесистыми кирпичами и камнями. Дома-развалюшки за забором тянулись до Студенческой улицы, по который тогда ходил трамвай до моста.

Мы любили бегать по крышам сараев и играть в «рыща-

рей», сражаясь выструганными из широких досок саблями или мечами, сделанными из ёлочных палок и очищенных от коры так, чтобы оставались поперечные ветки, защищавшие кисти рук, как и у настоящих мечей. Щитами нам служили крышки от больших тазов.

Ещё мы, Колька Соколенко (Туз), Сашка Гостев (сын режиссёра Игоря Гостева), Славка (Ворона), Витька (Пискля), я и другие, когда во дворе было много снега, строили снежные крепости, а в сугробах проделывали такие ходы-катакомбы, что по ним можно было проползти через весь двор с одного конца до другого.

Слегка ненормальная дворничиха Танька наши ходы постоянно ломала ломом. Тогда мы придумали на сугробы поверх ходов класть толстые доски. Заливали их водой, морозили и сверху закидывали снегом. Танька пробовала разрушить наши ходы, но чуть не отбила себе руки и едва не погнула свой лом. Чертыхаясь, плюнула на нас всех с нашими укреплениями и наконец оставила нас в покое.

Летом мы под свистки постового перебежали Можайское шоссе и спускались к Москве-реке. Там были заросли тростника и на сотни метров тянулись вдоль берега, возвышаясь, как горы, разгруженные с барж груды громадных брёвен. Не боясь быть раздавленными брёвнами или навек заваленными ими, мы ползали по этим катакомбам. Из тростника мы делали копья и, разбившись на команды, играли в «охотников» или «тарзанов», охотясь друг на друга и перекиды-

ваясь безопасными копьями.

Немного подрастая, там же, в этих тростниковых джунглях, мы устраивали бои на капсюльных пистолетах. Капсюльные, чтобы все знали, – это такие пистолеты, когда на деревянный каркас с рукояткой крепился охотничий патрон любого калибра, в него забивался молоточком капсюль и вставлялся деревянный боёк с иглой. Боёк натягивался резинкой до упора и спускался большим пальцем руки. При выстреле капсюль летел аж на 10 метров! Бывало, что при сражениях на мечях, перекидывании копьями и перестрелках из капсюльных пистолетов кто-то из нас получал травму, и серьёзную, но вот глаз, удивительное дело, не выбили никому.

На моих глазах рядом с нашим домом построили кинотеатр «Пионер». Интересно было видеть первый раз в жизни настоящую стройку. А после девятого класса я, бывало, смотрел в 8:30 с балкона в театральный бинокль, как по другой стороне уже Кутузовского проспекта шла в нашу школу, где вместе учились с первого класса, девочка Оля Чекисова, в которую я тогда был влюблён.

Эта школа, можно сказать, по тем временам была элитной, но в ней учились и дети рабочих, и дети сотрудников ЦК партии, МИДа, КГБ, известных актёров.

Например, со мной в одном классе училась дочка известного актёра Михаила Кузнецова, который снялся в 50 отличных фильмах, в том числе в фильме «Матрос Чижик», который почему-то не показывают по нашему телевидению, раз-

ве что иногда по «Культуре».

Недавно здание старой школы снесли и вместо неё возвели новую «супермодерновую» школу. Надо бы как-нибудь туда зайти, если, конечно, пустят посмотреть, висят ли на первом этаже фотографии выпускных классов прошлых лет.

О Сергее Гончаренко

Серёжа Гончаренко, высокий стройный голубоглазый блондин, был включён в состав нашей группы испанского языка спустя два месяца после начала занятий на первом курсе. В 1-й МГПИИЯ им. Мориса Тореза он перевёлся из Военного института иностранных языков. Как-то интуитивно мы с ним сразу сошлись. Почему? Наверное, потому, что оба мы были скромными, более выдержанными, чем другие ребята в группе.

А в нашей группе собрались разные ребята. И по характеру, и по своим способностям, и по социальному происхождению, и по месту проживания. Так, Олег Островский был из Одессы, Валя Кучин приехал в Москву из Перми, Анатолий Чебурков – из Челябинска, болгарин Тодор Чолаков – естественно, из Болгарии. Остальные были москвичами. Но мы были дружны. И не только дружны. Сплочены. Так, что другие студенты нам завидовали. Вот, мол, 101-я испанская группа как дружит, берите с неё пример, говорили преподаватели на факультете.

Хотя явных лидеров в группе не было, но несколько человек выделялись среди нас. Прежде всего своими способностями к языкам и эрудицией. Это были Сергей Гончаренко, Олег Островский и Александр Садиков.

Сергей Гончаренко, который, как я уже сказал, перевёл-

ся к нам в институт, был мальчиком добрым, отзывчивым, щедрым на подсказки и списывание. На рожон не лез, себя не выпячивал, чем ещё больше нравился и нам, и преподавателям.

В конце первого года учёбы мы между собой нашу группу уже называли легендарной, Боевого Красного Знамени, ордена Ленина, 101-й испанской группой. Через год мы её называли 202-й Краснознамённой, через три года – 303-й Краснознамённой и так далее.

Группа была в лидерах в институте и по учёбе – за счёт трёх-четырёх человек, и по активной студенческой жизни – за участие в работе студенческих отрядов на целине, Анатолия Гавриленко в трёх трудовых семестрах, моего участия в двух летних семестрах, моего участия в оперотряде «Коммунистический» и в спортивных соревнованиях по плаванию на первенство института и Москвы. А Сергей уже публиковал свои стихи в газете «Советский студент» и «Студенческий меридиан».

Только мне посчастливилось бывать у Сергея дома в гостях и познакомиться с его прекрасными родителями – Таисией Сергеевной и Филиппом Ивановичем, добрейшими интеллигентными людьми. Так я узнал, что Сергей происходит из семьи военного дипломата, родился в Турции, где его отец во время Великой Отечественной войны году служил военным атташе. Потом их семья переехала в Швейцарию. С детства Сергей получал отличное классическое воспита-

ние и образование: был начитан, образован, играл на пианино, прилично знал английский и французский, вальсировал. В этом плане он был на голову выше всех нас, но никогда этим не бравировал и не был зазнайкой.

Надо сказать, что первый год у нас была классным руководителем и вела испанский язык преподаватель Эспехо. Это её фамилия по мужу-испанцу. Мы смеялись, потому что в переводе с испанского языка на русский это означает «зеркало». Потом мы узнали, что у нас в институте преподавал испанец по фамилии Павон (исп. *раво* – «индюк»). Такие странные испанские фамилии потом нам встречались частенько. Например, президент Испании Сапатеро (исп. *zapatero* – «башмачник»), его супруга Ботелья (исп. *botella* – «бутылка»). Но это так, к слову.

Через год нашим классным руководителем стала невысокого роста испанка камарада Алегрия (исп. *alegría* – «радость», «веселье»), черноволосая и черноглазая. Это тоже нас веселило, тем более что она полностью оправдывала свою фамилию: была весёлая, жизнерадостная, подвижная. Но она была и достаточно проницательным и очень добрым, доверчивым человеком, чем мы с успехом пользовались в своих корыстных интересах. Алегрия проявила свою проницательность прежде всего тем, что дала нам всем клички или прозвища, которым мы в большей или меньшей степени соответствовали и их оправдывали. Конечно, пока всех нас не изменили в ту или иную сторону жизнь, время и об-

стоятельства.

Так, меня она назвала Пекеньито (исп. *pequeño* – «маленький»), что тогда полностью говорило само за себя. Островского она окрестила Гранухой (исп. *granuja* – «бездельник, пройдоха, плут»), так как Олег на самом деле любил частенько прогуливать занятия. Однако это не мешало ему учиться на круглые пятёрки. Валентина Кучина она звала Рубито («белобрысенький»). Гавриленко был Фрескито («нахалёнок»). Садикова Алегрия шутя звала доном Алехандро, как бы предвидя в нём будущего маститого учёного и отличного переводчика-синхрониста.

Сергею она прозвище не дала никакого. Наверное, это неспроста, так как называла его просто по-испански – Sergio, но обращалась к нему с уважением, отдавая должное его солидности, основательности и серьёзности по сравнению со всеми нами.

Особенные сплочённость и солидарность наша группа проявила, когда возникла очередная проблема с нашим Валюшей Кучиным. На этот раз он, пиршествуя с приятелями в ресторане, перебрал, как всегда, и надебоширил. Его, естественно, забрали в милицию. Постригли наголо, дали ему 15 суток и направили письмо в наш Институт иностранных языков с сообщением о неблагоприятном поступке студента.

Этот проступок грозил Вале исключением из комсомола и института. Тут уж было не до шуток. Островский подал идею спасти нашего Валю. Роли распределили так: Остров-

ский дежурил у знакомой секретарши в ректорате, договорившись, что девушка его оповестит, если письмо придёт в ректорат, а Толя Чебурков отслеживал по своим каналам почту в деканате. Гавриленко, Гончаренко и я по очереди дежурили у открытого почтового ящика, висевшего в то время в вестибюле при входе.

Повезло Сергею. Через два-три дня он узрел, как почтальон положил в ячейку с наклейкой «Администрация» письмо, пришедшее из отделения милиции. Мы письмо прочитали. В нём говорилось о наказании студента нашего вуза Кучина В. 15 сутками и выражалась просьба принять меры по его воспитанию в стенах института. Письмо мы уничтожили.

Камараде Алегрии мы сказали, что Валя слёг с подозрением на тиф, что его наголо постригли на всякий случай, но потом обошлось и тифа у него не обнаружили.

А Валя после 15 суток в милиции ещё две недели сидел в общежитии, отрачивая и вытягивая пальцами из своей дурной головы волосы. Через месяц он появился в институте с коротким бобриком-ёжиком на голове. Камарада Алегрия была несказанно рада, что Валя выжил в суровых условиях тифозной эпидемии, о которой, правда, в Москве никто не слышал, и поставила ему тройку автоматом без сдачи экзамена, всё охая и ахая:

– Бедняжка Кучин.

Такая была наша дружная группа. Один за всех, и все

за одного. Мы всей группой частенько собирались в моей квартире на Кутузовском проспекте потанцевать, выпить, потому что квартира была большая, а мои родители часто уезжали на дачу. У Сергея тоже была хорошая квартира, но маленькая. И он, как я говорил, никого туда, кроме меня, не приглашал. Встречались мы также и в общежитии на Петровериге (в Петроверигском переулке). Там жили Кучин, Островский и Толя Чебурков, погибший через несколько лет в Никарагуа во время цунами. К нашей группе прикнул и отличный парень из другой группы Эдик Вялимаа. Он погиб в автокатастрофе в Уганде в 1974 году, когда в его машину врезался грузовик с пьяными местными футболистами. Его жена Люся семь дней везла гроб с телом Эдика в Москву на перекладных. О смерти Эдика я узнал, уже будучи в служебной командировке по линии Министерства обороны СССР в Республике Экваториальная Гвинея.

Я ездил к нашим ребятам в общежитие, чтобы позаниматься языком, побалагурить, выпить портвейна, погулять вместе по Красной площади. А вот Сергей в общагу никогда не ездил, боясь, наверное, влипнуть там в какую-нибудь неприятную историю, что было немудрено. Общага, она всегда во все времена была общагой. Там иногда случалось такое! Там можно было легко напороться на что угодно и заплатить за это выездной характеристикой.

Лишь спустя годы я понял, чем объяснялось его некоторое отчуждение от группы в увеселительных мероприятиях.

Просто он был воспитан в семье разведчика, его с детства приучали быть осторожным. И только где-то на пятом курсе он приоткрыл мне некоторые подробности из жизни его семьи. К этому времени мы стали с ним большими друзьями. Не раз вместе ездили отдыхать в подмосковные пансионаты во время зимних каникул, на юг – по путёвкам, что доставала моя мама у себя в министерстве.

Занимались культуризмом, чтобы на юге играть мускулами и накачанными мышцами. Это действовало впечатляюще на дамский контингент. Ездили в гости к его дедушке и бабушке, казакам. В станицу Пашковскую Краснодарского края. Его дед, надо сказать, был искусным виноделом и имел собственную марку-печать и право экспонировать своё вино на международных винных выставках. Поэтому дедушкину «Изабеллу», без табака и прочих побочных ингредиентов, мы потребляли только так, литрами, за милую душу, закусывая хрустящими жареными карасиками и плотвичкой, выловленными в речке Кубани.

После четвёртого курса института мы с Серёжей поехали работать на год на Кубу. Сергей работал переводчиком в Университете Сантьяго-де-Куба, а я – на электростанции в городе Мариэль. Во время наших прогулок по Гаване Сергей читал мне свои новые стихи, которые потом вошли в сборник его стихов «Из кубинского блокнота», а также стихи, посвящённые его любимой светловолосой девушке Наташе Бородиной, с которой он переписывался. Оказывается,

он написал ей 60 писем за 10 месяцев, проведённых на Кубе, а от неё получил 40.

Тридцатый день без твоего письма.
И март не в март. Какой-то мёртвый месяц.
Ты мне писала: «Если бы мы вместе...»
Писала, что у вас стоит зима. Когда бы я
Не знал наверняка, то неизвестно, что бы я наделал.
Письмо, которое придёт на той неделе,
Тридцатый день идёт издалека.

Я думаю, что этими своими проникновенными, нежными письмами и трепетными, страстными стихами он покориł её окончательно, хотя за Наташей ухаживали и другие ребята из нашего института – от двоечников до ленинских стипендиатов.

Наташа была из семьи капитанов-речников. Но к тому времени у неё остались только мама и младший брат, которому Сергей помогал как родному. Александр Бородин работал позже на Кубе, в Перу, в Аргентине. У Натали были прекрасные весёлые друзья с Речного вокзала. Это была совсем иная стихия. Они покорили Серёжу своей лёгкостью, открытостью, крепкой дружбой.

А как эта девушка пела под гитару! Бывало, соберёмся у неё на квартире всей группой плюс несколько человек из целинной компании и Наташиных подруг, накроем стол, потанцуем, а потом поём под одну, две или даже под три ги-

тары молодёжные, студенческие и целинные песни. Как грянем хором под аккомпанемент Наташи, Саши Мурованного и Юрия Никулина одну из наших любимых песен «За орденами в Душанбе два капитана КГБ всю ночь таранят темноту турбины ТУ, турбины ТУ»!

Через полтора года после нашего возвращения с Кубы и окончания института Сергей с Наташей поженились. Я был на той свадьбе свидетелем с его стороны. А потом, когда женился и я, Серж был свидетелем уже с моей стороны. Вместе с Натали они нажили троих детей – Филиппа, Павлика и Лизу. Сергей был очень любящим и заботливым отцом. Об этом мало кто знает, но могу засвидетельствовать тот факт, что когда Сергей опубликовал в 1978 году свой гигантский труд «Антология испанской поэзии», то он был выдвинут Союзом писателей СССР на Государственную премию – как лучшая книга года в СССР. И надо же так было случиться, что одновременно с Серёжиной книгой вышла в печать и «Малая земля» Л. И. Брежнева. Естественно, что Государственную премию получил генсек КПСС!

Так вот, возвращаясь к некоторой скрытности Сергея. Как я говорил, его отец был военным разведчиком. И это, надо сказать, отложило определённый на Серёгу отпечаток. Ему же и на пользу. И мне тоже пошло на пользу, так как я многому у Сергея научился и многое от него перенял. А рассказывал он мне следующее, в частности. Во время войны его отца вызвал как-то в Ставку Верховного главнокомандо-

вания Иосиф Сталин, Верховный главнокомандующий. Филипп Иванович очень волновался, так как знал: если кого вызывают в Москву из-за границы, из аппарата посольства, в Ставку, то обратно редко кто возвращался. Или расстреливали, или сажали, или человек пропадал без вести. Но Серёжин отец через месяц вернулся-таки в Турцию в звании подполковника. Жив и невредим, да ещё и с орденом Ленина на груди. За успешно проведённую операцию. Вот так-то! И продолжил свою успешную карьеру дипломата. А после выхода в запас преподавал в специальной разведывательной школе, где впоследствии, уже окончив институт, одно время работал и Сергей.

По окончании института жизнь нас с Сергеем развела. Он защитился и остался работать в институте, а я, отслужив два года военным переводчиком в Республике Экваториальная Гвинея, стал работать в Экспортно-импортном объединении.

Сергей за эти годы стал высочайшим мастером литературного художественного перевода. Специалист по компьютерным технологиям, декан МГЛУ Игорь Кириллов на компьютере сравнил тексты оригиналов испанских стихов и их тексты в переводе Гончаренко. Оказалось, что по размеру, по мелодичности, по смысловому содержанию, лиричности, яркости, тональности и другим параметрам тексты оригиналов соответствовали текстам Серёжиных переводов. И даже зачастую его переводы превосходили оригиналы по своему

художественному содержанию и образности.

Под впечатлением от творческой деятельности Сергея я тоже начал пописывать стишки, тексты песен, рассказы юмористические в стенгазету, а потом и новеллы, рассказы и киносценарии. Первым оценщиком моих сценариев был, конечно же, Серёжа. На титульном листе первого моего сценария комедии «Дорогая, будь моею!», который понравился известному кинорежиссёру Алле Суриковой, Сергей написал: «Великолепно!» Чем вдохновил меня на дальнейшие сценарные «подвиги». Спасибо ему за это!

Но это уже будет потом, во время моей работы в МГЛУ под непосредственным руководством Сергея, который принял меня к себе на должность директора Центра ибероамериканских программ, руководителя Центра испанского языка и культуры и ответственного секретаря Ассоциации испанистов РФ. Некоторые наши приятели говорили, что одно дело – дружба, а вот работать под руководством своего друга – не получится. Получилось!

С апреля 1995 года я работал с Сергеем душа в душу до самой его преждевременной смерти 9 мая 2006 года.

Он был опытным дипломатом. Добрым, внимательным, тактичным руководителем. Я не слышал от него в адрес кого-либо ни одного грубого слова.

К 1995 году Сергей Гончаренко уже – проректор по научной работе Московского государственного лингвистического университета, доктор филологических наук, профессор,

академик Российской академии естественных наук, член Союза писателей СССР и России, иностранный член Испанской королевской академии, член правления Московской писательской организации, председатель Ассоциации испанистов России, заведующий кафедрой ЮНЕСКО. Его государственные награды: орден Дружбы народов и орден Трудового Красного Знамени. Вместе с ещё двумя ведущими испанистами России Сергей был приглашён президентом В. В. Путиным в Кремль на обед с испанским премьером.

Поднимаю бокал вина за наши с ним годы молодости и студенчества! За нашу с Сергеем дружбу и совместную работу! За Сергея и его семью! Светлая ему память!

Больному зубу – здоровый дух!

Сроду не любил лечиться. Но что поделаешь? Иногда приходится. Вот какие со мной на этом поприще истории приключились. Прямо помереть со смеху и не встать.

Пошёл однажды в поликлинику флюорографию делать. Разделся как положено. Вещички свои сложил так культурненько в уголочек.

Поставила меня врач к стенке и говорит, уже спрятавшись от радиации, из-за окошка:

– Наберите-ка воздуха в себя и не дышите. Не дышите, ещё не дышите, глубже, не дышите.

И отвлеклась разговором с уборщицей. А когда вспомнила обо мне, я, посиневший, сполз уже на пол. Откачали.

Или пришёл я после направления терапевта через месяц к гастроэнтерологу. Очередь большая образовалась – один гастроэнтеролог, сами понимаете, мои дорогие граждане и гражданочки, на три дружно объединившиеся поликлиники. А из кабинета этого гастроэнтеролога пациенты все с нервным тиком выскакивают, красные, как помидоры.

Дошла очередь и до меня. А я уж напрягся весь из себя. Врач меня выслушала и говорит ласково:

– Ничего ужасного не вижу. У вас просто выброс желчи в пищевод. Вы умрёте долгой и мучительной смертью.

На что я ей тоже с юмором, остроумно так отвечаю:

– И вы умрёте от такого же выброса.

А потом других пациентов спрашиваю:

– Это она со всеми так?

– Со всеми, – говорят, – невзирая на пол и должность.

Хобби у неё такое – людей пугать.

Пришёл к терапевту, чтобы потом попасть к физиотерапевту, а от него – к неврологу и хирургу. Вовремя пришёл, минута в минуту, в 14 часов 58 минут. Как в талоне указано. Но всё равно попал к врачу, отсидев два часа в очереди.

Обращаюсь к врачу:

– У меня поясница ломит, на лбу – пот холодный.

Врач приложила руку к моему лбу. Потом пошла руки мыть и на ходу говорит:

– Не такой уж он у вас и холодный. А мои костыли видите?

Вот и вам скоро с такими же ходить придётся.

И утешила напоследок:

– Жизнь – это болезнь, передающаяся половым путём, со стопроцентным летальным исходом. Так что не надейтесь!

Поплёлся я без надежды к физиотерапевту:

– Уважаемый доктор, у меня радикулит. Утром встаю – всё болит.

– А вы не вставайте. И болеть не будет.

– Как, совсем?

– Ну почему же. Когда сможете – сами встанете. Дальше посмотрим, что с вами можно ещё сделать. А пока идите на токи.

Сделал несколько процедур. Не помогает.

Пошёл за продлением. Я снова у физиотерапевта.

– Пока не помогает, – говорю.

– А я, – отвечает, – вас вылечить и не обещала.

Мне стало стыдно. Я покраснел. Побледнел. Чихнул. Достал платок. Высморкался. Прослезился. И вот что я сказал:

– Доктор, а кто об этом говорит? Это было бы с моей стороны просто наглостью и бесстыдством требовать, чтобы врачи вылечивали.

Иду обратно в физиотерапевтический кабинет.

– А мы вас списали, – выпроваживает меня врач, – вас в списке уже нет.

– Нет, – говорю, – я ещё есть. Быстро вы меня что-то в расход! Вот вам бумага ещё на три сеанса. А то обрадовались! Думаете, поматросили меня семь раз и бросили. Нет уж! Трясите мне всё дальше вашим электрошокером. Вставляйте свои электроды мне куда хотите и лечите меня ещё три раза. А то так сразу прямо и в расход!

И это пожилые врачи, заметьте. А сестрички такие хорошенькие, вежливые. Просто загляденье! Но это я так, к слову!

Лежу как-то я, значит, как порядочный в нейрохирургии. В палате женщина. Она пришла навестить мужа, поражённого инсультом, но находящегося в полном сознании. Вот молодой невролог и говорит ей:

– Вашего мужа лечить бесполезно. Он всё равно умрет.

Женщина в слёзы.

Я потом говорю врачу: зачем же так при больном, где же, мол, ваша врачебная этика и гуманность.

– А мы, – отвечает, – теперь работаем по американской системе.

Боже праведный, упаси от молодых! Лично мне, которого раньше называли пролетарием, а теперь кличут гегемоном капитализма, всегда в жизни были почёт и уважение, потому как мы завсегда в первых рядах были. Подумалось: если нас так прозрачно при всех лечат по американской системе советскими лекарствами, то как же тогда лечат чиновников разных, отщепенцев общества, в закрытых привилегированных больницах и поликлиниках? Наверняка по советской системе и американскими лекарствами. Бедняги, как их жалко!

Товарищи! Достопочтенные мои граждане и гражданочки! Это не совсем так! И медицина у нас ещё жива! У нас ещё много хороших, опытных и добрых врачей. И больниц у нас в провинции много осталось. Поэтому надежда на выздоровление должна быть у каждого. Как и в прошлом году, так и в текущем, и в наступающем! Чтобы на вопрос врача «Как вы себя чувствуете?» каждый мог с уверенностью сказать: «Лучше, чем вчера, но хуже, чем завтра».

Всякое лыко – в строку

– Липа! Настоящая! Живая! – я обламываю ветку и продавливаю палочкой пробки в бутылки. – Здесь от магазина всего-то ничего. А ведь шумели, что не дойдём. Дошли! Ну что, здесь хряпнем или дальше в лес потопаем?

– Давай тут. Из леса ещё назад надо будет выбираться. Чем дальше в лес, тем больше здесь выпить хочется! – откликнулся Федосеич по прозвищу Папа Карло за любовь к древесине и внешнее сходство с киянкой.

Глядя на лежащие вокруг гниющие стволы деревьев, он горестно вздохнул и задумчиво добавил:

– Я ведь когда был директором мебельного магазина, тоже много дров наломал. Теперь вот здесь приходится отсиживаться.

– А я, мужики, как-то в дубовую рощу попал. Беловежскую или в другую какую, не помню. Красотища! Должен вам сказать, что дуб – это тоже вещь! – зажмурив и закатив от восторга глаза, сказал Игорёк, невзрачный старичок лет 40, и забулькал портвейном. – Много было дубов. Сначала штук 10, потом – 20, затем – 40. И всё больше и больше!

– Сам ты дуб стоеросовый, а вы все остальные – пеньки. Это всё проза, а на такой природе поэтически выразиться тянет. Я вам, лапотники, сейчас стихи почитаю, а вы проникнитесь духом. Слушайте. Экспромт. Все деревья хороши,

наберёмся ж от души! – с пафосом продекламировал уже солидно осоловевший Федосеич.

– Ёлка, ёлка, повернись! Ёлка стройная, зажгись! – запрыгал вдруг, хлопая в ладоши, вокруг ёлки Игорёк, а потом достал зажигалку и стал пытаться поджечь ёлку.

Я отнял у него зажигалку.

– Какая, жопа, это тебе ёлка? Опупел, что ли, с литра-то? Липа это! А липа – это далеко не ёлка. Это совсем наоборот. Если у ёлки всегда иголки, то у липы – цветочки. И то лишь летом, – загоготал Филя, укладываясь в густую траву, подложив под голову лапотник для комфорта.

– Да, каждому фрукту свой овощ, – философски заметил Федосеич, тоже планомерно вырубаясь.

– Вставайте! В своих койках будете отлёживаться. Скоро обед. Нас могут врачи хватиться! Пошли в больницу быстренько! Побежали! Обнимемся, друзья, чтобы не грохнуть-ся.

Я поставил точку в конце своего рассказа и сказал соседу по палате:

– Никак не ожидал, что в нашей палате №6 так легко пишутся мемуары о друзьях, приключениях, о былом, о птичках и о липе, которая расцветает летом.

– И меня обещали выписать, – отозвался, позёвывая от снотворного, сосед. – Сразу, как только подпишу им бумагу, что я не император.

Побег из фирмы

Валентин Михайлович подходит к офису фирмы, куда его пригласили на собеседование. Внимательно всё осматривает натренированным взглядом. Вот несколько крутых тачек. Среди них 300-й «мерседес» – редкость ещё по тем временам. Домофон с видеокамерой, дверь открывается электросигналом, большие затемнённые окна, облицовка офиса недешёвая. В общем, солидное впечатление. Мужчина нажимает на звонок, называет свою фамилию и цель визита.

Дверь открывается. В приёмной – три охранника. В бро-нежилетах, с пистолетами и рациями. Кругом – кинокамеры. И все помещения офиса – в зеркалах, как будто это не офис, а клиника глазных болезней.

Мужчина раздевается, и охранник провожает его к генеральному директору.

В обставленном чёрной мебелью кабинете за столом, на котором стоят разного типа качающиеся в разные стороны шары-маятники, сидит симпатичный 33-летний мужчина, от которого исходит аромат крутого парфюма.

Он показывает на стул 45-летнему уже седому Валентину Михайловичу, который предлагает свои услуги фирме, и начинает доброжелательно с ним беседовать. Генеральный директор листает личный Curriculum vitae кандидата на должность менеджера по продаже товаров. Внимательно смотрит

на него:

– Опыт у вас, Валентин Михайлович, есть. А возраст... На возраст я не смотрю. Главное, чтобы у человека было желание работать, чтобы отдача была. И нормальные отношения в хорошем коллективе. Люди у нас работают давно. Сработались. Пото- и соковыжимающей системы я у себя на фирме не приемлю. Это не мой стиль. Если и приходится иногда перерабатывать, я доплачиваю. Я принимаю вас на работу. Оклад у вас для начала будет 45 тысяч рублей. Плюс премиальные от сделок и продаж. Так что стимул имеется. А дальше – посмотрим. У нас есть своя собственная столовая в офисе. Обед для вас будет бесплатный. Устраивает, Валентин Михайлович?

– Устраивает.

– Вот и хорошо.

Директор по селектору говорит секретарше:

– Инна Михайловна, пригласите, пожалуйста, ко мне Александра Егоровича.

Затем обращается к Валентину Михайловичу:

– Сейчас придёт мой заместитель. Он введёт вас в курс дела. И приступайте. Желаю вам успехов.

– Спасибо. Постараюсь быть вам полезным.

– Ну и отлично.

Валентин Михайлович и Александр Егорович идут по коридору мимо столовой. С ними здороваются два работника фирмы, идущие навстречу:

– Здравствуйте. Здравствуйте, Александр Егорович.

– Здравствуйте. Вот знакомьтесь. Наш новый работник Валентин Михайлович Ермаков. Прошу любить и жаловать.

– Есть любить и жаловать!

Работники проходят мимо столовой.

– Может, зайдём в столовую? Кофейку выпьем.

– С утра кофе не пью, а то на работе не засну.

(Оба смеются.)

Вечером в столовой, являющейся одновременно и спальней, и кабинетом, в кресле сидит с большим мобильным телефоном в руке седой 70 с лишним лет старик, отец старшего Валентина и младшего Стаса. Его жена лет 55 нервно ходит в халате по комнате, заламывая руки.

Старик звонит Стасу по мобильнику:

– Ты где?

– С ребятами в баре.

– Срочно иди домой! Сколько можно шляться по барам?!

Тебе же завтра в институт!

– Папаня, я взрослый человек! Сколько можно говорить одно и то же! Не надо меня грузить! Занимайся своими делами!

– И мать за тебя переживает! Её бы пожалел!

– Я всё сказал! Покедова.

В раздевалке стриптиз-бара перед зеркалом стоит в чёрных плавках мускулистый Стас и напрягает мышцы. Любуется собой. В приоткрывшуюся дверь просовывается гнус-

ная рожа:

– Стас, скоро твой выход. Готов?

– Готов, готов!

Стас берёт флакон с ароматизирующим маслом, выдавливает немного на ладонь и растирает грудь, руки, ноги. Гладит рукой плавки. Звонит мобильный телефон. Стас берёт со стола аппарат:

– На проводе. А, это опять ты, папаня.

Стас выключает мобильник и бросает его на диван:

– Достал! И так жбан раскалывается!

Он трогает рукой голову, строит улыбку в зеркале и выходит из раздевалки.

– Что он сказал? – спрашивает мать Стаса, – Он придет? Когда? Дай я с ним поговорю!

– Отключил телефон.

– Я тебе сто раз говорила, не давай ему много карманных денег!

– Я ему очень мало даю.

– Тогда на какие шиши он гуляет? Два-три раза в неделю.

– Не знаю. Может, приятели у него богатенькие. Не знаю.

– А я знаю, что наш младший стал неуправляемым. И грубым. И вообще, мы о нём ничего не знаем. Он хотя бы ещё учится? Надо в институт позвонить, узнать. Вылетит же с первого курса! А сколько сил стоило, чтобы он туда попал! Ты же отец! Повлияй на сына! Или Вальку попроси повлиять на брата!

– Как?! Как?! Что я могу?! Он не слушает. Игнорирует и тебя, и меня! У Валентина семья. Своих дел по горло. Ему тоже несладко. Пятую работу меняет из-за нашей перестройки. Ох уж эти лихие 90-е! Будь она проклята, эта перестройка!

– Я очень за него беспокоюсь. Как бы он не попал в дурную компанию, – стонет женщина. – Вот моя подружка во дворе что рассказывает. Есть у неё знакомая – бухгалтер. Так у неё за эти несколько лет два сына пошли в бандиты. И обоих убили. Только младшего спасла. И так по всей стране. Не один миллион! Целый пласт молодых людей погибли в разборках, в гражданской войне за собственность. Будь прокляты эти люди, приведшие страну к такому!

Или вот ещё рассказывали. У одной сын нанялся в турагентство. А там ведь живой нал и валюта. «Крыша» – реальные пацаны высшей пробы. И пришёл к ним на работу бывший работник «Интуриста». Соблазнил директора организовать детский отдых в Болгарии. По демпинговым ценам за тур отправили 120 детей на море. Практически без охраны, без воспитателей, без спасателей. Кто-то чуть не утонул, кого-то чуть местные не избили и не изнасиловали. Одна девочка сообщила папе, что ей, мол, обед в номер не приносят, как было на Ибнице. В общем, отец пришёл к директору жаловаться на плохо организованный отдых. А тот его послал на... Далекo послал. Через час в офис компании вломилась восемь человек, обрезали телефоны, избили директо-

ра в его кабинете. Приказали всем молчать, иначе размажут по стенкам. Только одна кассирша заперла кассу, выскользнула из офиса и побежала в будку милиционера, охранника иностранного посольства, ища защиты. Так тот её выгнал.

– Иди отсюда, – говорит и выталкивает её из будки. – Не положено! Хочешь, чтобы меня из-за вас ночью в будке расстреляли?!

Директор турагентства позвал свою «крышу». Была, как это у них называется, стрелка, кажется. Да, стрелка. Решили, что директор и его сотрудник поедут в Болгарию и там наведут порядок. И компенсируют ущерб пострадавшим. Директор свою жену с детьми спрятал в деревне, и они полетели.

Юноше, сыну женщины, который пришёл работать в турагентство, велели переключиться с Испании на Болгарию. Он сказал директору, что так туры безответственно не организуют, тем более детские.

А директор ответил:

– Тогда ты уволен.

Парень радостно написал заявление и выбежал из офиса:

– Живой! Ура! Катитесь вы со своей Болгарией куда подальше!

Жена закончила свой рассказ и молча вышла из столовой, нервно закрыв за собой дверь в коридор. Андрей Николаевич в задумчивости сел за письменный стол и начал просматривать свои бумаги. Но оставил это дело и вышел из столовой следом за женой.

А на подиуме в окружении пьяной толпы богатых женщин Стас медленно под музыку раздевается. Одна мадам вскакивает на подиум и, заткнув Стасу 100-долларовую банкноту за плавки, хватает его за член. Стасу больно, но он улыбается. Охранник отрывает женщину от Стаса и уводит её с подиума. Женщины беснуются. Рвут на себе одежду – кто как может, выражают своё восхищение стриптизёром...

В столовой офиса четыре больших стола из светлого дубового дерева. Каждый – на шесть персон. У трёх столов – деревянные стулья. Но не простые, а с резными сиденьями и спинками. У четвёртого стола стоят резные скамейки.

Валентин Михайлович один в столовой. Обедает. Рядом на скамейке лежит его сумка. Обслуживает его пожилая повар-официантка. Она ставит перед ним блюда без выбора. Но всё очень вкусно. Особенно мясо в горшочках.

Обслужив Валентина Михайловича, официантка начинает сервировать соседний стол. По спецзаказу. На столе появляются осетрина, красная и чёрная икра, прочая дорогая снедь.

В столовую в сопровождении телохранителя входит семилетний мальчик и, бросив взгляд на нового работника, садится за стол. Официантка ставит перед ним суп, второе блюдо – на выбор. Но мальчик, поковыряв вилкой всё что можно, ничего не ест.

Официантка не знает, с какой стороны подойти к ребёнку: – Деточка, что же ты ничего не ешь? Так нельзя. Надо ку-

шать. Вот икорка. Покушай хоть немного. Чтобы сильным стать. Не расстраивай папочку.

– Тетя Маша, я ничего не хочу. Сыт. Разве что котлетку.

– Вот фрукты и мороженое твоё любимое.

– Спасибо. Не хочу больше ничего.

Он встаёт и садится напротив Валентина Михайловича. Официантка сразу переносит все блюда на их стол и расставляет перед мальчиком.

– Как тебя зовут? – обращается юнец к Валентину Михайловичу.

– Для тебя я дядя Валя.

– Ты у моего папы работаешь?

– Да.

– Недавно?

– Три дня.

– А ты не бандит?

– Нет, не бандит.

– А то бандиты придут и всех нас поубивают. А папа тебя проверял?

– Наверное, проверял, – удивляется вопросу Валентин Николаевич.

– А что у тебя в сумке? Не бомба?

– Нет, не бомба.

Валентин Михайлович открывает сумку, показывает её содержимое.

Мальчик встаёт и благодарит официантку:

– Спасибо, тётя Маша.

– На здоровьице, соколик.

Юнец уходит, кинув ещё раз подозрительный взгляд на Валентина Михайловича.

– Какое же у этих детей несчастное детство, если он в семь лет такие вещи на полном серьёзе говорит. Как их жаль, – говорит Валентин Михайлович официантке.

– Кандидат в неврастеники или в психи, – отвечает та, убирая со стола посуду, и вдруг, испугавшись сказанного, замолкает, зажимая рот рукой.

– Клиника ребёнку светит, – продолжает Валентин Михайлович.

– Только вы ни-ни, – шепчет ему испуганно официантка, настороженно оглядываясь. – Вадим Анатольевич хороший. В такое время фирму вытянуть! Какие нервы нужны и храбрость! И человеком при этом остаться! Медаль «За отвагу» можно ему за это дать. А сына балует. Это да.

– Я хороших людей сразу различаю, – успокаивает Валентин Михайлович тётю Машу. – Иначе бы не стал здесь работать. Не беспокойтесь, всё будет хорошо. И мальчика этого, бог даст, минуют все напасти недавних лет. Может, ещё всё потихоньку наладится?

– Дай-то бог, – перекрестилась пожилая официантка...

Стас звонит в квартиру, обитую кожей. Дверь открывает разодетая в пух и прах 60-летняя дама. У неё вызывающий вырез на платье.

– Фаина Романовна?

– Да.

– Здравствуйте, очаровательная Фаина Романовна, – Стас целует ей пухлую руку. – Приглашали на 15 часов?

– Да-да! А вы Станислав?

– Да, Фаиночка, если позволите так вас называть. Я Станислав. Если желаете – Стас.

– Желаю тебя, Стасик! И очень-очень желаю! Проходи, миленький. Сюда, сюда, мой хороший мальчик.

Через два часа Стас выходит из квартиры. Фаина вьётся вьюном перед ним. Провожает его до лифта. А в это время на площадке между этажами прячется девушка, выглядывая из-за мусорного стояка.

– Стасик, я тебя опять закажу. Ты придёшь?

– Обязательно! Непременно приду, моя кисуля.

– Смотри, разбойник! А то кто мною пренебрегает, меня теряет!

Девушка бежит по ступенькам на первый этаж, опережая лифт. Стас чмокает Фаину на прощание в губы и садится в лифт. Лифт начинает спускаться.

Стас вытирает платком губы, сплёвывает и бормочет:

– Ну и теряйся себе на здоровье, старая карга, баба-яга с кривыми ногами и драными волосами!

Стас выходит из подъезда. К нему подбегает девушка и кричит:

– Вот ты, оказывается, какой на самом деле! Клянёшься

мне в любви, а сам по старым бабам по вызову шастаешь! Я за тобой слежу. Теперь я убедилась в этом на 100 процентов! А я-то, дура, так тебе верила!

– Да пошла ты! – отталкивает её в сторону Стас.

– Нет, не пошла! Вот тебе! Вот! Получай за всё!

Девушка плещет ему в лицо кислотой из банки. Стас интуитивно закрывает лицо рукой. Девушка убегает.

Стас получает ожог руки и частично – шеи и лба.

Это всё наблюдают двое мужчин в машине, стоящей у подъезда.

– Чего это она? – говорит один оперативник в штатском другому.

– Не поладили, – отвечает ему напарник в форме.

– Ничего себе! Она в него чем-то плеснула!

– Разберёмся. Пошли!

Стас стонет, скорчившись от боли. Вытирает платком обожжённые места. Щупает лицо, руку:

– Гнида!

Он немного приходит в себя от пережитого. И направляется было обратно, чтобы вернуться к Фаине, но всё же передумывает и решает идти, морщась от боли.

Мужчины выходят из машины и направляются к Стасу:

– Станислав Андреевич Ермаков?

– Да. А в чём дело?

Один оперативник рукой подзывает проходящую мимо парочку:

– Пожалуйста, будьте свидетелями, – показывает им своё удостоверение.

Другой мужчина в штатском достаёт из кармана удостоверение, ещё какую-то бумажку и показывает Стасу:

– Вы задержаны. За распространение наркотиков.

Оперативник достаёт при свидетелях из кармана Стаса два пакетика с белым порошком.

– С ума сошли?! У меня вон ожоги! Видите? Кислота это! – орёт Стас.

– Вижу. Руки!

Оперативник в форме берёт Стаса за руки, а мужчина в штатском защёлкивает на его запястьях наручники.

– Мне в больницу надо.

– Будет тебе врач. И скипидар в зад – тоже будет.

А его старший брат Валентин Михайлович уже влился в коллектив, активно приступил к работе. Шеф, относящийся к нему с уважением, предложил Валентину Михайловичу подхватывать его у дома, благо им обоим по пути, и, отвезя сына в школу, ехать вместе на «мерседесе» на работу. Он такой любезный, этот молодой человек, его начальник. Это было бы лучше, чем ехать на метро, потом на автобусе.

Но Валентин Михайлович, человек с немалым житейским опытом, вежливо отказался. Во-первых, не хотел и шефа связывать его обязательством, и лишние опять же для шефа хлопоты – крюк всё же надо делать, чтобы за ним заехать. Да ещё одна немаловажная деталь: годы-то какие. А если ше-

фа бандиты в машине расстреляют, то и ему тоже конец. Он как-то на работе показал шефу свой газовый пистолет, а тот ему сказал:

– Уберите и никому не показывайте. Если что – сразу пристрелят. Подумают, что боевой.

Так что, на свой «Магнум» Валентину надеяться не приходилось. Таскал его так, для успокоения души, если вдруг придётся воспользоваться им, как молотком. А потом и вообще сдал пистолет в милицию.

Потихоньку Валентин вошёл в курс дела. И понял, что руководство фирмы – приличные дети приличных родителей. Вот только «крышуют» фирму очень страшные, серьёзные бандиты. Когда они приезжали в офис, всех служащих отправляли срочно домой. Окна занавешивали шторами. Только генеральный директор, его заместитель – коммерческий директор и бухгалтер оставались – обсуждали с бандитами планы их совместной деятельности.

А Валентин Михайлович работал, выдвигал идеи. Он узнал, что эта молодая тройка руководителей взяла кредит – 500 тысяч долларов. Купили себе, конечно, первым делом крутые тачки, объехали полмира, оделись как денди, наняли охрану, которой тогда, возможно, даже у самого Березовского не было. А потом стали думать, что делать и как кредит возвращать. Новые русские – чего с них взять.

Тем не менее денежки уходили, а отдавать-то надо с процентами. А бизнес что-то не удавался. Тогда на фирме по-

явился представитель банды и был введён в руководство фирмы. Он должен был заниматься поставками топлива.

Валентин Михайлович в детали не лез, сторонился чужих дел. Как говорится, своя голова дороже.

Был на фирме один чудак. Чем он там занимался, Валентин так и не понял. Только этот мужик ходил по кабинетам и запрещал работникам класть одну ногу на другую. Мол, кровь плохо будет циркулировать. Все соглашались. Кроме Валентина Михайловича, который спросил этого деятеля:

– А когда вы сами спите, вы себя контролируете во сне? Как ваши ноги лежат – друг на друге или порознь?

Мужик улыбнулся и больше с этим требованием к Валентину не подходил...

А кредит всё же надо было отдавать. Пошли сокращения работников. И даже столовую на фирме с такими вкусными блюдами прикрыли. Пришлось всем перейти на бутерброды с чаем.

Решил тогда генеральный директор проверить сделку с детской одеждой и игрушками. Слетали в Америку, точнее в США, подписали контракт на одной странице на поставку трёх контейнеров с одеждой из синтепона и детскими игрушками. Валентин как увидел этот контракт, так аж присел:

– Господа, это не контракт! Это просто бумажка! Меня бы, профессионала, сначала спросили, перед тем как ехать в Штаты. Здесь нет элементарных вещей! Штрафных санкций да ещё всего, что нужно. Такой контракт должен

быть расписан детально минимум на пяти листах.

– Ерунда. Поставщики надёжные. Мы с ними пили, по-дружились. Всё будет окей, – сказал бухгалтер.

Проходит два месяца. Приходят из США в Санкт-Петербург три контейнера с товаром производства какой-то фирмы. То ли из Таиланда, то ли из Вьетнама. Поехали они все вместе в порт, посмотрели. Боже ты мой! Игрушки без рук, без ног, какая-то ядовитая краска непонятного цвета – наука не знала такого до сих пор. А куртки! Безликие, блеклые. Ужас! Часть – без пуговиц, часть – с гнутыми пуговицами, как будто по ним танк проехал, часть – без второй прокладки из синтепона.

Валентин Михайлович весь товар не видел – только несколько образцов, но понял, что почти всё – брак. Фирмачи явно и натурально влипли. И штраф за некачественный товар не предъявишь. А переделка и перешивка ещё в 100 тысяч «зелёных» обойдутся. И бандитам платить надо за «крышу». Они уже отсрочек не признавали.

Валентин Михайлович захотел уволиться, но этот пришлый бандит кавказской наружности, смотрящий, сказал ему:

– У нас с фирмы так просто не увольняются. Только вперёд ногами выносят.

В общем, шефы и бандиты пригорюнились и стали думать, как всем при своих деньгах остаться.

И случилось же! Поехал как-то Валентин Михайлович с этим пришлым смотрящим на переговоры в центр Москвы,

а возвращались по Рублёвке мимо префектуры.

Тут Валентина Михайловича стукнула по мозгам идея рассказать смотрящему, как он работал в этом здании на взгорке, ещё когда здесь был исполком до его закрытия, и как оформлял в американский город Кентон милицейское руководство района в командировку по обмену, и как потом принимали в Москве с ответным визитом американских полицейских, как водили их на Старый Арбат.

– Полицейские такие статные, высокие. Среди них – мулатка. Прямо загляденье! И такая строгая, непроступная, пока не «набралась» в одной из наших милицейских семей – её тошнило. Рассказывал нам переводчик, который сопровождал её на дружеский ужин в семье полковника милиции заместителя начальника УВД по району.

Им, американским полицейским, разрешили в виде исключения привезти с собой бляхи, наручники и наганы с патронами. На Арбате их окружила толпа, а я был с этой группой в качестве переводчика от исполкома. Прохожие смотрели на американцев как на диковинку. Пацаны свистели, показывали на копов пальцами, а те гордо, красиво шли по Арбату, не реагируя ни на что.

Потом мы поили и угощали американцев в семьях наших милицейских командиров. Пьянки прошли успешно. Много водки на американцев не ушло. Три-пять рюмок – и всё. Затем песни и – бай-бай. Домой.

Через месяц-другой всё это по пути рассказывал Вален-

тин саженному на фирме человеку от бандитов... Наши милиционеры стали раскалываться: как они проводили время в Штатах, как ходили по барам, в каждом выпивали по полстакана вискаря, как после 22:00 падали в стельку, как их относили в отель. А на следующий день на стрельбище стреляли по мишеням лучше американцев. Американцы были просто поражены стойкостью, выносливостью, профессионализмом наших милиционеров, оперативников, следователей. Не посрамили они нашу Россию в этой их хвалёной Америке, не подвели наших! Вот только курить им приходилось в ванной. Под шум воды. Чтобы датчики не сработали и их на большие деньги не оштрафовали...

Попутно Валентин Михайлович назвал сидевшему с ним на заднем сиденье кавказцу пофамильно всё руководство УВД района, с которыми общался, их должности. В том числе сотрудников уголовного розыска и криминальной милиции. Проверяйте, мол, на здоровье!..

Через два дня Валентин Михайлович сказал генеральному директору, что увольняется. Тот ничего ему на это не ответил. Ещё через два дня повторил шефу в присутствии этого засланного казачка, что уходит. Никто ему поперёк слова не сказал.

Валентин Михайлович гордо вышел из офиса, сел на автобус и уехал. Жить дальше.

Операция

В операционной на столе лежит мужчина, накрытый простынёй. Рядом стоят анестезиолог, пожилой мужчина пенсионного возраста, немного косящий глазом, и очень молодая сексуальной внешности операционная сестра, кокетливая привлекательная девушка.

Анестезиолог и медсестра в полной растерянности.

– Зачем нам его сюда привезли? – удивлённо спросил анестезиолог.

– Не знаю. Ума не приложу, – пожав плечами, отвечает медсестра.

– Было бы что прикладывать, – бормочет себе под нос анестезиолог.

В операционную вбегает молодой человек лет 25.

Все трое – в зелёных операционных комбинезонах, в шапочках, бахилах. У всех на лицах маски.

Медсестра удивлённо и игриво смотрит на входящего:

– А вы зачем здесь? Вы же невропатолог.

– А вам что, хирург не нужен? У нас в больнице другой хирург разве есть? Нашего хирурга «уплотнили» с другой больницей. Вот он и бегает. День здесь, день там. Сегодня он у нас не оперирует, понятно? То-то же. Быстро, быстро за работу! Что с ним?

– Огнестрельная ранка в животик, – елеяно произносит,

жеманясь, медсестра. – Из охотничьего ружья. По ошибке или по пьянке охотник выстрелил в своего приятеля. Засадил ему заряд дроби.

– Сейчас посмотрим. Так, наркоз, вижу, уже дали. Отлично. Молодцы! Да он и так, впрочем, без сознания. Сестра, скальпель! Внимание, приступаем! Салфетку! Марлю!.. Ой, сколько же крови! Я весь испачкался! Сестра вытрите мне кровь на очках! Живо! А то я не там резать начал. Зажим! Не мне, а себе! Ладно, и мне один дайте. Да зашивайте уж там, где я случайно разрезал. Вот здесь... внизу! Так, как там приборы? Что показывают?

– Все приборы что-то показывают!

– Отлично!

Хирург режет живот пациенту. Сестра зашивает разрез, где аппендицит.

Анестезиолог следит за приборами:

– Наркоза может не хватить.

– Это почему? – хмуро взглянул хирург на анестезиолога.

Анестезиолог широко разводит руками и хмурится, что-то припоминая:

– Забыл долить сюда этого... как это называется...

– Как?! – рычит хирург.

– Не помню. Знал, но забыл. С кем не бывает! У меня же болезнь Альцгеймера.

– Так мне и вас ещё оперировать надо? Увольте, бога ради! Только не сегодня!

– Может, димедрол? – робко предлагает медсестра.

– Вполне возможно, – соглашается анестезиолог, – только его ещё найти надо.

– Чего стоите? Бегите! Принесите ещё этого, как вы там его назвали... – командует самопровозглашённый хирург.

– Я не называл, – возразил анестезиолог, – это всё медсестра.

– А я здесь при чём? Я не анестезиолог.

– Как при чём? – возмутился хирург. – Вы, медсестра, не знаете, что необходимо, чтобы ввести в состояние наркоза?

– А откуда знать-то? Мне самой наркоз никогда не делали. Вот спиртом, водкой поили. Было дело, чего скрывать. По молодости чего не бывает!

– Хватит вам базарить своим длинным язычком. Это всё-таки операционная, – сердится хирург, – и у нас операция, а не телешоу! Это вам не шутки! Занимайтесь делом. Итак, что мы видим? Мы с вами видим, что кишечник этого субъекта просто нашпигован мелким свинцом. Как мне определить, где кишки зашивать? Сестра, у нас в больнице рентген есть?

– Уже нет. Отдали рентген в ЦКБ. Там, говорят, он нужнее.

– А как я, вы полагаете, определю, в каком месте у пациента дырки? Я же молодой специалист. Без операционной практики. Что вы на меня так смотрите? Ладно, ставьте,

сестра, в общем, рядом с оперируемым табуретку, а на неё – таз с кипячёной водой. И слегка добавьте марганцовки. Для дезинфекции.

– Кипячёной нет.

В операционную входит взрвалочку анестезиолог. У него в руках ёмкость с жидкостью.

– Ладно, насыпьте марганцовки в обычную воду. Из-под крана... А вот и наш родной анестезиолог, – хирург смотрит на наручные часы, – надо же, и часа не прошло. Почему мне часы перед операцией никто не снял? Это ж инфекции и бактерии! Сестра, налейте мне на часы спирт! Анестезиолог, твою мать! Извини, не твою! Принесли то, не знаете что?

Сестра набирает в таз воду из-под крана. Насыпает в него марганцовку.

– Принёс. Правда, не знаю что, – анестезиолог показывает что-то хирургу.

– Поставьте склянку с неизвестно чем вон туда, – Он указывает скальпелем на стеклянный стол, – Это на самый крайний случай. Если вам нечем здесь заняться, то помогайте пока медсестре. Или мне кофейку принесите. Ладно, кофе потом попою. В крайнем случае пациента спиртом накачаем. Видели фильм «Война и мир»? Там ногу солдату отрезали. А перед операцией дали ему спирта. Чем мы хуже? Мы такие же профессионалы. И со спиртомотрежем больному ногу. Сестра, спирт у нас есть?

– Есть. Но у оперируемого нога вроде в порядке. Её лучше

пока не резать. Брюшная полость... А там, как вы решите.

– У кого брюшная полость? Это ещё что за новости? Это ещё, кроме желудка? Ну попали! Так, кстати, о спирте. Его много?

– Много. Вам хватит.

– Не фальсификат? Не палёный?

– А кто ж его знает? Я немного хлебнула... перед операцией. Для храбрости.

– Для храбрости – это правильно. Дайте-ка тогда и мне попробовать. Раз вы ещё живы.

Сестра наливает спирт в ложечку и, отодвинув маску, даёт хирургу попробовать.

– Мало. Не понял. Вон в неё, – хирург показывает глазами на мензурку.

Сестра наливает спирт в 200-граммовую мензурку.

– Лейте мне медленно в рот.

Сестра льёт спирт в рот хирургу.

Хирурга передёргивает:

– Нормальный! Годится. О, хорошо! Веселей оперировать! Если наркоз кончится, вставьте в зубы клиенту деревянную палку, чтобы не орал.

– Так где ж её взять, палку-то?

– Тогда вот тот круглый инструмент. Из нержавеющей стали. Такой он не сгрызёт!

Хирург выкладывает в таз все кишки пациента. А их ого-го сколько, целых семь метров! Начинает их промывать

и зрительно, на ощупь, искать отверстия в стенках кишок.

Руки, комбинезоны – всё в слизи, в крови. Пейзаж натуральный.

– Не получается на ощупь, – вздыхает хирург, – ничего не получается. Никак дырки не нащупаю... А, придумал! Я сделаю вот как. Надо прокачать кишки насосом. Да-да, сестра, обычным велосипедным насосом.

– А откуда здесь насос-то? – широко открыла глаза медсестра. – У нас такого реквизита нет. Не выписывали мы насоса. Зачем он нам без велосипеда?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.